

**St.-Petersburg State University
Institute of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of
Ancient World**

Edited by Ed.Frolov

№ 14

**St.-Petersburg
2014**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 14

**Санкт-Петербург
2014**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук А. Б. Егоров, д-р ист. наук О. Ю. Климов, д-р ист. наук О. В. Кулишова, канд. ист. наук А. Д. Пантелеев (отв. секретарь), д-р ист. наук Э. Д. Фролова (председатель), д-р ист. наук Ю. Б. Циркин, д-р ист. наук Н. С. Широкова.

Рецензенты:

Д-р ист. наук, проф. А.Ю. Прокопьев (С.-Петербург. гос. ун-т)
Д-р ист. наук, проф. М.Ф. Флоринский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. – СПб., 2014. – 516 с.
ISSN 1813-193X

Очередной выпуск альманаха «Мнемон» выходит в юбилейный для кафедры истории древней Греции и Рима и всего исторического факультета (ныне – Института истории) год. Ровно 80 лет тому назад, в 1934 г., в Ленинградском университете был учрежден, а вернее, восстановлен исторический факультет, и тогда же была создана кафедра античной истории. Основное содержание сборника построено по традиционному плану. Значительная часть статей посвящена истории древней Греции, причем исследования касаются как частных сюжетов, так и принципиальной оценки целых исторических периодов (в частности, греческой архаики). Интересные статьи публикуются по истории эллинизма и древнего Рима. Специальные разделы посвящены античной культуре, а также темам источниковедения и историографии; особо надо отметить статью, посвященную незаслуженно забытому петербургскому антиковеду К. Хилинскому.

Альманах «Мнемон» предназначается для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей и культурой античного мира.

Редколлегия благодарит профессора А.Х. Даудова за содействие
в подготовке и издании альманаха

ББК 63.3 (0) 32

Адрес редакции:
199134 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Институт истории СПбГУ

© Авторы статей, 2014
© Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия: Источник знания в науке об античности (к проблеме формирования специалиста).....	8
<i>Фролов Э.Д.</i> Кафедра античной истории СПбГУ (к 80-летию юбилею).....	13

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва). Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX-VIII вв. до н.э.).....	27
<i>Жестоканов С.М.</i> Загадочная экспедиция Фрасибула Милетского.....	51
<i>Туманс Х.</i> (Рига). Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации.....	59
<i>Строгецкий В.М.</i> (Нижний Новгород). Взаимоотношения между Спартой, Афинами и Эгиной накануне Марафонской битвы.....	95
<i>Никитюк Е.В.</i> Декрет Феозотида: к вопросу об афинских <i>nothoi</i>	109
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древние авторы о спартанской агонистике.....	119
<i>Шарнина А.Б.</i> Проксения в межполисных отношениях Эллады.....	129

2. Эллинизм

<i>Рунг Э.В.</i> (Казань). Военно-политическая деятельность Ментора Родосского.....	143
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва). Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии.....	161
<i>Грушевой А.Г.</i> Два почетных декрета в честь Антиоха I (280-261 гг. до н. э.) (OGIS, 219, 222).....	171
<i>Нефедкин А.К.</i> Традиции военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране.....	185

3. Рим

<i>Кудрявцева Т.В.</i> Корнелиев закон и процесс Клуенция: магия in latenti.....	193
<i>Вержбицкий К.В.</i> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	203
<i>Портнягина И.П.</i> (Тверь). Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика).....	211

<i>Смирнова Е.Л.</i> (Петрозаводск). Гражданские войны 68-69 гг. и римский сенат.....	223
<i>Циркин Ю.Б.</i> Начало конца Западной Римской империи.....	231

4. Культура и религия античного мира

<i>Кулишова О.В.</i> Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст.....	253
<i>Пантелеев А.Д.</i> Маска в религиозной жизни древней Греции.....	259
<i>Светлов Р.В.</i> Платоновская концепция истории.....	277
<i>Васильев А.В.</i> К вопросу о времени появления маски в римском театре.....	291
<i>Дуров В.С.</i> Гастрономический опыт Горация.....	301
<i>Широкова Н.С.</i> К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты.....	313
<i>Марков К.В.</i> (Нижний Новгород). Специфика употребления и смысловое содержание понятия <i>δημοκρατία</i> в сочинениях греческих авторов Второй софистики.....	337

II. Источниковедение и историография

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва). Взгляды Ксенофонта на патриотизм.....	347
<i>Скржинская М.В.</i> (Киев). Сочинения боспорских и херсонесских историков.....	357
<i>Звагольская А.К.</i> Об одном пассаже Кальпурния (Calp. VII, 57-72).....	377
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль). Военные глоссы Веррия Флакка.....	387
<i>Дымская Д.Д.</i> Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона.....	395
<i>Тункина И.В.</i> Академик Е.Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю.....	407
<i>Крульчик Ки.</i> (Познань). Константин Хилинский (1881-1939) – польский исследователь античности.....	419
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара), <i>Макарова О.М.</i> (Самара). А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы.....	443

III. Публикации

Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. Вступительная статья, перевод и комментарий А.В. Каргальцева.....	455
---	-----

IV. Хроника научной жизни

<i>Берзон Е.М., Кулишова О.В.</i> Вторая межвузовская студенческо-аспирантская конференция «Античность XXI века» (СПбГУ, 18 марта 2014 г.).....	465
---	-----

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород). У истоков идеологии принципата (Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата им- ператора Августа: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.).....	468
<i>Климов О.Ю., Холод М.М.</i> Христиан Милета: юбилей ученого.....	478
Памяти Константина Викторовича Вержбицкого (21.09.1973–15.09.2014).....	484
Аннотации.....	487
Abstracts.....	497
Сведения об авторах.....	505
Список сокращений	507
Contents.....	511

Х. Туманс

Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации

Сейчас уже нелегко вспомнить, почему Лев Николаевич Толстой стал зеркалом русской революции. Но в данном случае это и не важно, просто броская фраза врезалась в память и сама «напросилась на перо» в ходе работы над статьей. Метафора кажется очень подходящей в том смысле, что Мильтиад Старший и в самом деле представляется весьма характерным отражением идей и процессов, питавших греческую колонизацию. Дело в том, что на его примере можно очень хорошо увидеть идейные мотивы, игравшие выдающуюся роль в ходе греческой колонизации. Следовательно, речь здесь пойдет не о роли дельфийского оракула, но именно о роли идейного фактора, т.е. о культурных основаниях колонизации, о тех идеологемах, которые сделали это явление возможным¹.

При такой постановке вопроса Мильтиад Старший естественно попадает в поле зрения одним из первых. Его история издавна привлекает внимание специалистов и поэтому неудивительно, что он оказался в центре дискуссии, имевшей место в тридцатые годы прошлого века между двумя корифеями антиковедения — Хельмутом Берве и Херманом Бенгтсоном. Первый доказывал, что экспедиция Мильтиада на Херсонес носила сугубо частный характер и была целиком его личной инициативой², а второй, полемизируя с этим мнением, отстаивал тезис о том, что Мильтиад действовал как представитель полиса, и что греческая колонизация

---

¹ Вопрос о ментально идеологических факторах в процессе греческой колонизации наиболее близким образом ставит И. Е. Суриков: *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колониальной деятельности Афин // *Античный мир и археология.* 14, 2010. С. 24 – 28. В данной статье рассматриваются три основных идейных фактора: агональный характер греческой культуры, «героический ренессанс» ранней архаической эпохи, и роль дельфийского оракула в процессе колонизации. Однако, поскольку эти факторы обсуждаются И. Е. Суриковым в виде общих тезисов, мне представляется целесообразным более пристально приоткрыться к агональным основам греческой колонизации, с целью попытаться, по мере возможности, выявить механизм действия этого фактора.

² *Berve H. Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit.* Berlin, 1937. S. 9ff, 34 – 36 etc.

вообще имела государственный характер³. В ходе обсуждения на Мильтиаде оказалась сфокусирована вся дискуссия о сути греческой колонизации как таковой, которая затем изредка оживлялась в последующие времена⁴. Действительно, вопрос о частном или государственном способе организации колонизационных мероприятий – это не технический вопрос обеспечения экспедиций, а принципиальный вопрос о характере колонизации вообще. Собственно говоря, сама полемика возникла из желания понять, являлась ли колонизация изначально чередой личных авантур, или же результатом целенаправленной политики греческих полисов. Однако, уже с самого начала дискуссии одни и те же факты получали прямо противоположные интерпретации. Тем самым в очередной раз подтвердилась старая истина о том, что при отсутствии бесспорных доказательств, решающее значение в ученых спорах приобретает внутренняя убежденность исследователя. Вместе с тем, стало понятно, что однозначно, раз и навсегда разрешить вопрос о частном или государственном характере греческой колонизации в общем виде не представляется возможным, т.к. каждый пример необходимо рассматривать отдельно, к тому же еще и в диахронной перспективе. Тем не менее, это еще не означает, что нельзя говорить о некоторых общих закономерностях или тенденциях, имевших место в целом ряде случаев. При рассмотрении же таких характерных тенденций, фигура Мильтиада Старшего приобретает особый интерес.

Отправной точкой для данного исследования естественно служит то место в шестой книге «Истории» Геродота, где в повествование вводится Мильтиад Старший: «В Афинах в те времена вся власть была в руках Писистрата. Большим влиянием, впрочем, пользовался также Мильтиад, сын Кипсела, происходивший из семьи, которая содержала четверку коней. Свой род он вел от Эака из Эгины, а афинянином был лишь с недавних пор. Первым из этого дома стал афинянином Филей, сын Эанта» (Hdt., VI, 35)⁵. В этих словах задается место и время действия (Афины в правление Писистрата), а также показывается знатное происхождение (от знаменитого героя, сына самого Зевса; см. также: Plut. Sol., 10; Paus., I, 35, 2), богатство и влияние рода Филаидов, к которому принадлежал Мильтиад⁶. Хорошо известно, что держать четверку коней могли позволить себе только

³ Bengtson H. Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und Miltiades // Sitzungsberichte der Bazerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1939. Heft 1. S. 5ff, 12, 17 etc.

⁴ Например: *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 33f; *Miller T.* Die griechische Kolonisation in Spiegel literarischen Zeugnisse. Tübingen, 1997. S. 53 f; *Leschhorn W.* Gründer der Stadt. Studien zu einem politisch – religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984. S. 78ff. etc.

⁵ Здесь и далее Геродот цитируется в переводе Г. А. Стратановского.

⁶ О роде и знатности Филаидов см.: *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford, 1971. P. 293 – 312; *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. Москва, 2005. С. 294 сл.

очень богатые аристократы⁷; причем немного ниже Геродот добавляет, что незадолго перед описываемыми событиями эта упряжка принесла Мильтиаду победу в Олимпии (Hdt., VI, 36). К этому следует добавить и тот факт, что ранее род Филаидов уже успел породниться с родом коринфских тиранов Кипселидов (Hdt., VI, 128), отчего и произошло имя отца Мильтиада. Таким образом, Мильтиад был представителем одной из виднейших аристократических семей, притом не только в Афинах, но и во всей Греции. Кроме того, в глазах современников это был человек, пользующийся покровительством богов, о чем совершенно явно свидетельствовала его победа в Олимпии. Поэтому вполне естественно, что Геродот представляет его как второго по значению в Афинах, сразу после Писистрата, особо подчеркнув к тому же его большое влияние в городе.

После такого экспонирования Мильтиада Геродот переходит к рассказу о посольстве племени долонков из Херсонеса Фракийского, явившихся в Афины в поисках обещанного им дельфийским оракулом помощника в борьбе с враждебным племенем апсинтиев. И, рассказав о том, как долонки чудесным образом попали в дом Мильтиада, Геродот произносит ключевую для понимания всей этой истории фразу: «Мильтиад сразу же согласился, так как тяготился владычеством Писистрата и рад был покинуть Афины» (Hdt., VI, 35). После чего следует краткое повествование о том, что, получив подтверждение в Дельфах, Мильтиад отбыл на Херсонес «вместе со всеми афинянами, желавшими принять участие в походе», и там завладел страной, причем долонки провозгласили его тираном (VI, 35 – 36)⁸.

Итак, Мильтиад сразу согласился на предложение долонков, т.к. «тяготился» властью Писистрата. Конечно, здесь первым делом возникает вопрос, что же именно его тяготило, и сам собой напрашивается естественный ответ: столь выдающемуся аристократу было явно «тесно» под властью тирана⁹. Поэтому неудивительно, что исследователи единодушно указывают на конкуренцию между Мильтиадом и Писистратом¹⁰. Однако, как иногда отме-

⁷ В этой связи специально о Филаидах см.: *Scott L. Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Brill, 2005. P. 513 – 521.

⁸ Существует еще и рассказ Корнелия Непота об этих событиях, но он отличается лаконизмом и не дает никаких дополнительных сведений – в нем говорится лишь об афинских добровольцах, прибывших на Херсонес, и о дельфийском оракуле, назвавшем Мильтиада руководителем экспедиции (Nep., I, 1). Историю о долонках Непот опустил, предварительных данных о Мильтиаде не дал, и, кроме того, он смешал Мильтиада Старшего с Мильтиадом Младшим (см.: *Суриков И. Е. Античная Греция...* С. 297.). Следовательно, здесь этот источник не представляет для нас интереса.

⁹ *Leschhorn W.* Op. cit. S. 78.

¹⁰ См. например: *Berve H.* Op. cit. S. 10; *Bengtson H.* Op. cit. S.9; *Miller T.* Op. cit. S. 3; *Tiverios M.* Greek Colonisation of the Northern Aegean // *An Account of Greek Colonies and Settlements Overseas* / Ed. G. Tsetschladze. Bd. 2. Brill, 2088. P. 122. Etc., etc.

чается, не следует преувеличивать значение этого фактора, т.к. с одной стороны, конкуренция еще не означает ненависти, вражды и политической борьбы¹¹, а с другой стороны, принадлежность Писистратидов и Филаидов к диакрийскому Браврону дает возможность предполагать как конкуренцию, так и сотрудничество между двумя лидерами¹². Во всяком случае, тот факт, что Мильтиад не только не пострадал от Писистрата, но и продолжал пользоваться «большим влиянием», говорит в пользу версии если не о сотрудничестве, то, по крайней мере, о его лояльности к новой власти. Кстати, показательно, что, характеризуя влияние Мильтиада в Афинах, Геродот использует весьма выразительное слово *ἐδυνάστευε* (Hdt., VI, 35), которое, если верить словарям¹³, допускает еще и значения «править», «господствовать», «властвовать». Конечно, трудно допустить, чтобы Мильтиад был соправителем Писистрата, но такое словоупотребление наводит на мысль о добрых, если даже не партнерских отношениях между ними... Как бы то ни было, нам совершенно ясно сказано, что Мильтиад при Писистрате не только не впал в опалу, но и пользовался большим влиянием. Однако, если это так, если он продолжал благоденствовать и при тирании, то что же его тяготило? Почему он не мог спокойно наслаждаться своим влиянием и богатством?

Понятно, что причиной того не могла быть неудача в политической борьбе, как это иногда утверждается¹⁴, ведь Мильтиад не боролся против Писистрата, но продолжал процветать при нем, и, судя по всему, не было у него и никакой личной неприязни к тирану¹⁵. Также маловероятно, что его могла удручать общеполитическая нестабильность в Афинах того времени¹⁶, поскольку, во-первых, воцарение Писистрата положило конец этой нестабильности, а во-вторых, такая именно нестабильность, вызванная конкурентной борьбой знати за власть и влияние, должна была восприниматься тогда как естественное состояние, т.к. то была та самая свобода аристократии, которую прекратил или ограничил тиран. К тому же, Мильтиад занимал ведущие по-

¹¹ *Bengtson H.* Op. cit. S.9; см. также: *Hopper R.J.* „Plain”, „Shore” and „Hills” in early Athens // *ABSA*, 56, 1961. P. 206.

¹² *Суриков И.Е.* Античная Греция... С. 298: См. также: *Hopper R.J.* Op. cit. P. 206.

¹³ *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1899. С. 347; *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т.1. Москва, 1958. С. 429.

¹⁴ См.: *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация... С. 42.

¹⁵ На мой взгляд, фраза Геродота о том, что Мильтиад «тяготился» властью тирана, вовсе не означает, что он испытывал к нему неприязнь, как это иногда утверждается: *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация... С. 42. Такое суждение, хоть и возможно, но не вытекает с неизбежностью из слов Геродота, а является уже нашим «додумыванием». Однозначно из слов «отца истории» следует лишь то, что Мильтиад не был удовлетворен своим положением при новом порядке вещей.

¹⁶ *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация... С. 43.

зиции и имел все основания быть довольным жизнью даже в правление Писистрата.

Судя по всему, ответ следует искать не во внешних условиях жизни Мильтиада в Афинах, а в нем самом, т.е. в его системе ценностей и идеологических установках. Совершенно очевидно, что он сам желал первенствовать, и именно поэтому власть тирана была ему в тягость. Вернее, это Геродоту казалось, что власть тирана была ему в тягость, т.к. «отец истории», как хорошо известно, был негативно настроен по отношению к тирании вообще. Проблема же Мильтиада состояла, скорее всего, в том, что ему самому хотелось первенствовать. Это кажется вполне естественным, но, чтобы лучше понять его мотивацию, нам необходимо вспомнить о феномене древнегреческой веры в особую сакральную силу, которую, за неимением лучшего, мы можем обозначить словом харизма¹⁷. Эта божественная сила, обозначаемая греками как *μέγος* или *κράτος*, проявляла себя в красоте, физической силе, способностях, удаче и славных делах, причем в конечном итоге все это воплощалось в почете, прямым источником которого со времен Гомера считалась божественная воля (II, XVII, 251)¹⁸. Таким образом, харизма – это дар божества человеку и необходимое условие для того, чтобы быть героем¹⁹. О ее наличии судили по внешним данным, успехам, подвигам и по богатству человека. Величие внешних достижений свидетельствовало о силе харизмы, т.е. об особой «богоизбранности» че-

---

¹⁷ Конечно, следует признать, что это слово сегодня уже весьма затаскано и смысл его замутнен вульгарным употреблением, но ничего более подходящего для описания данного явления пока не удастся подобрать. Поэтому мне не остается ничего другого, как продолжать использовать это слово, ориентируясь, хотя и не без оговорок, на его первоначальное веберовское понимание.

¹⁸ Здесь имеется в виду, что харизма, как божественный дар, проявляющийся в различных талантах и способностях человека, если она реализуется в славных деяниях, имеет своим следствием общественный почет (τιμή) для героя; следовательно, публичные почести являются показателем наличия у человека харизмы, т.е. благоволения богов, на что и указывает данное выражение Гомера.

¹⁹ См.: *Taegeer F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrschekultes. Bd. 1. Stuttgart, 1957. S. 51 – 63; *Calhoun G. M.* Classes and Masses in Homer // CPh. 1934. 29. P. 192; *Strassburger H.* Die Einzelne un die Gemeinschaft im Denken der Griechen // HZ. 1954. 177. S. 238; *Spahn M.* Mittelschicht und Polisbildung. Frankfurt/ Main. 1977. S. 42f; *Cobet I.* König, Anführer, Herr, Monarch, Tyrann // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in der Sprachen der Welt / Hrsg. E. Welskopf. Bd. 3. Berlin, 1981. S. 26f; *Stein – Hölkeskamp.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 24; *Ulf Ch.* Die homerische Gesellschaft. Materialien zur analytischen Beschreibung und historischen Lokalisierung. München, 1990. S. 106, 219; *Barcelo P.* Basileia, Monarchia, Tyrannis. Stuttgart, 1993. S. 56f; Туманс Х. Сколько патриотизмов было в древней Греции? // *Studia historica.* XII, М., 2012. С. 19слл.

ловека. Именно здесь, в этих представлениях, рождался знаменитый греческий агональный дух, служивший постоянным источником конкуренции, состязаний и конфликтов. Все это в полной мере относится к Мильтиаду Старшему, т.к. в его время аристократическая идеология, построенная на эпических ценностях, была еще очень сильна, и в той или иной степени продолжала определять поведение знатных лидеров. Следовательно, в таком культурном контексте амбиции Мильтиада, заставляющие его тяготиться положением «второго номера», должны были основываться на выдающейся харизме, известной не только ему самому, но и всем его согражданам.

Харизма Мильтиада была очевидна всем не только из-за его родовитости и богатства, но и благодаря его недавней победе в Олимпии. Хорошо известно, что олимпийские победители в древней Греции почитались не как спортсмены в современном понимании этого слова, но как особо избранные в сакральном смысле люди, любимцы самого Зевса. Как верно замечено, греки шли на соревнования с таким же чувством и интересом, с которым шли к оракулу²⁰. Победа в Олимпии была показателем высшей харизмы и потому неудивительно, что олимпионики удостоивались действительно царских почестей. Их особый, царский статус особенно наглядно проявлялся в торжественном ритуале въезда в родной город: в красной мантии, стоя на колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, и через пролом в крепостной стене, символизовавший ненужность укреплений в городе, в котором живет избранник Зевса (Plut. Symp., II, 5, 2; Diod., XIII, 82, 7sq). Наиболее отличившиеся победители иногда получали воистину религиозные почести в виде жертвоприношений и даже святилищ (Hdt. V, 47; Paus. III, 15, 7; VI, 3, 8; VI, 11, 2; 8 – 9; VI, 9, 3; VII, 17, 6; Callim. fr. 84 – 85; Plin. HN. VII, 152)²¹. Отсюда естественно вытекало известное представление о праве олимпийских победителей на власть²². В его основе лежит убеждение, что править должен лучший из лучших, как это хорошо выражено в емкой формуле Пиндара: «отчина лучших – кормчее правление городов» (Pind. X Puth. 69 – 71). Греческие мифы дают немало материала, свидетельствующего о глубокой древности таких представлений. Например, относительно самой Олимпии всем грекам сызмальства рассказывалось, как в начале времен сам Зевс сражался там за власть с Кроном (Paus. VII, 4, 9), затем там же за власть состязались сыновья Эндимиона (Paus., V, 1, 4; V, 8, 1), и, наконец, Пелоп вступил в смер-

²⁰ *Гаспаров М. Л.* Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. Москва, 1980. С. 363.

²¹ О почестях, предоставляемых олимпионикам см. например: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в древней Греции VIII – V вв. до н.э. СПб., 2001. С. 134 – 138.

²² Подробнее см.: *Лурье С. Я.* Клизфен и Писистратиды // ВДИ. 1940, 2. С. 47сл; *Зельин К. К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962, 4. С. 21 – 29.

тельное соревнование с Эномаем за царскую дочь и власть (Apoll. Epit., II, 9; Diod., IV, 73).

Сейчас не место углубляться в анализ этих идей и концепций, достаточно лишь отметить очень древний и достаточно универсальный характер верований, согласно которым власть должна доставаться лучшему, а лучший определяется в состязании²³. Собственно говоря, на этом и строится модель харизматической власти. Это самая древняя концепция царской власти, которая объясняет и легитимирует власть благоволением высших сил, принимающих участие в доблестях и заслугах божественного избранника, лучшего из людей. Такими были легендарные герои, воспетые в мифах и в эпосе. И к такой именно власти стремились выдающиеся аристократы архаической эпохи, жаждавшие реализации своей великой харизмы. В том числе и Мильтиад.

Итак, «в сухом остатке» мы имеем тот факт, что, в соответствии с древними верованиями и идеями, олимпийские победители и в самом деле иногда претендовали на власть и совершали перевороты, чем представляли серьезную угрозу для правящих тиранов²⁴ или аристократических клик. Но именно по той же причине и сами тираны стремились по возможности стяжать колесничные победы, дабы упрочить свои позиции²⁵ и продемонстрировать миру свою исключительную харизму. В результате они получали дополнительную легитимацию своей власти. Таким образом, религиозная по своей сути концепция харизмы приобрела в древней Греции огромное политическое значение, превратившись в инструмент политической борьбы и в средство идеологической легитимации власти тиранов.

О том, что древние представления о харизме и харизматической власти были актуальны в Афинах в эпоху Мильтиада Старшего, красноречиво свидетельствуют два хорошо известных примера. Во-первых, это попытка захвата тиранической власти Килоном, приуроченная им к олимпийским играм и легитимируемая его предыдущей победой в Олимпии (Thuc. I, 126, 5), а во-вторых, это известная ветвь истории с Кимоном, братом Мильтиада Старшего, который отдал свою вторую олимпийскую победу Писистрату, в обмен за это получил разрешение на возвращение из ссылки в Афины, где и был убит позднее Писистратидами, после того как одержав третью победу в Олимпии,

---

²³ Например, множество таких фольклорных примеров, в которых рассказывается о борьбе героя за власть, приобретаемую им вместе с красавицей или без таковой, уже достаточно давно собрал и обобщил Дж. Фрэзер в своей знаменитой книге: *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. Москва, 1986. С. 150 – 156.

²⁴ См.: *Зельин К. К.* Ук. соч. С. 24 слл, 28сл.

²⁵ Обзор примеров см.: *Mann Ch.* Athlet und Polis im archaischen und frühklassischen Griechenland. Göttingen. 2001. S.236 – 257.

удержал ее за собой (Hdt., VI, 103)²⁶. В обоих случаях²⁷ просматривается одна и та же логика: победа в Олимпии наделяла победителя столь выдающейся харизмой, что он автоматически становился потенциальным претендентом на власть, представляющим реальную угрозу для тех, кто уже стоял «у руля». Вполне естественно, что «договориться по хорошему» с тираном можно было только одним способом – отдав ему свою победу, т.е. отказавшись от претензий на власть и признав его право на царствование. Понятно, что виновны в создании такой ситуации были не «злые тираны», а религиозные представления греков, или, точнее, их концепция харизмы.

Все вместе это означает, что победа упряжки Мильтиада в Олимпии хоть и принесла ему великую славу и стала свидетельством его особой харизмы, но вместе с тем неизбежно создала трудности как ему самому, так и Писистрату²⁸. Даже если допустить дружественные отношения между тираном и Мильтиадом, то следует признать, что после олимпийской победы последнего между ними не могло не возникнуть напряженности. При этом необходимо учесть, что за Писистратом не числилось олимпийских побед, но он все же правил. Появление рядом с ним знатнейшего и богатейшего «избранника Зевса» самым очевидным образом не вписывалось в идеологические стандарты власти, основанной на харизме. Без сомнения, это обстоятельство в немалой степени смущало как самого олимпионика, так и тирана, и, следовательно, отъезд Мильтиада отвечал интересам обоих²⁹. Кстати, тот факт, что Мильтиад и после своей победы оставался в Афинах, можно расценивать как косвенное свидетельство его дружественных отношений с Писистратом, т.к. при иных условиях, в контексте известных нам прецедентов, это вряд ли было бы возможно.

Таким образом, нам совершенно понятны два фактора, заставлявшие Мильтиада тяготиться своим положением в Афинах. Во – первых, обладатель столь великой харизмы и столь великого статуса в принципе не мог быть удовлетворен игрой на «вторых ролях» и естественно должен был стремиться за-

²⁶ См. об этом: *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 116 – 121; *Mann Ch.* Op. cit. S. 82 – 86; *Лурье С. Я.* Ук. соч. С. 47. Правда, с точки зрения здравого смысла, кажется маловероятным, чтобы Писистратиды могли убить Кимона и оставить в Афинах его сына. Конечно, можно сказать, что они старательно изображали свою непричастность к убийству, как это утверждает Геродот, но тогда возникает вопрос: как им удалось убедить в этом сына убитого, и не удалось убедить Геродота? ...

²⁷ Возможно, к этим прецедентам можно добавить еще и третий, если принять недоказуемую, но вполне вероятную версию, что также и Мегакл Алкмеонид, уступив свою победу Писистрату, получил возможность вернуться в Афины (Schol. Aristoph. *Nudes*, 45) – см.: *Лурье С. Я.* Ук. соч. С. 47 – 51.

²⁸ *Зельин К. К.* Ук. соч. С. 26.

²⁹ Это отмечают практически все исследователи – подробнее см.: *Miller T.* Op. cit. S. 53; *Bengtson H.* Op. cit. S. 10. Etc.

нять положение, более соответствующее его достоинству. Собственно говоря, знатный аристократ просто не мог думать иначе – такой образ мыслей диктовался ему сословной идеологией, и в противном случае, он не был бы признан достойным своего статуса. А во – вторых, победа в Олимпии вместе с сиянием славы принесла Мильтиаду и головную боль, поставив его в щекотливое положение по отношению к Писистрату.

Самым естественным и наилучшим выходом из создавшегося положения была именно колонизация, т.к. основание нового города предоставляло основателю высшую власть и максимум почестей, о которых мог мечтать амбициозный аристократический лидер. Как уже давно замечено, первыми основателями городов были еще базилеи, а позднее эти люди хотя и назывались ойкистами, но по факту они все так же и вполне закономерно обладали полномочиями царей или тиранов³⁰. К тому же, после смерти ойкисты получали религиозные почести: их хоронили, как правило, на агоре, их почитали как героев, в их честь устраивались состязания, жертвоприношения и т.д.³¹. Именно такие почести после смерти заслужил и Мильтиад Старший – по свидетельству Геродота, ему приносили жертвы как герою-ойкисту и устраивали в его честь конские и гимнические состязания (Hdt., VI, 38)³². Следовательно, его расчет полностью оправдался и он получил то, к чему всю жизнь стремился.

К сказанному следует добавить еще одно замечание. В рассказе Геродота обращает на себя внимание необычайно архаичный характер завязки истории: все началось с того, что дельфийский оракул посоветовал долонкам, обратившимся к нему за советом по поводу тяжелой войны, призвать помощником в свою страну того, кто первым окажет им гостеприимство. Затем, следуя воле божества, послы долонков прошли через ряд земель, пока, наконец не оказались в Афинах, где они попались на глаза Мильтиаду, который сидел на пороге своего дома и, будучи удивлен странным видом иноземцев, пригласил их в свой дом, в результате чего он и оказался тем гостеприимцем, которому было суждено выполнить волю Аполлона и спасти племя несчастных долонков (Hdt., VI, 35). Исследователи уже не раз обращали внимание на этот сюжет, называя его то сказочным, то маловероятным³³. Действительно, повествование Геродота о

³⁰ См.: *Starr Ch. The Decline of Early Greek Kings // Historia*, 10, 1961. P. 133; *Leschhorn W. Op. cit. S. 84 – 96*; *Miller T. Op. cit. S. 195ff*; *Лантмева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI – VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 194 – 214.*

³¹ См.: *Miller T. Op. cit. S. 195ff*; *Leschhorn W. Op. cit. S. 98 – 105*; *Dougherty C. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. Oxford, 1993. P. 24 – 27*; *Malkin I. Religion and Colonization in ancient Greece. Brill, 1987. P. 189 – 203*; *Лантмева М. Ю. Ук. соч. С. 199.*

³² Обсуждение частных вопросов, возникающих по этому поводу см.: *Malkin I. Op. cit. P.190-193.*

³³ *Berve H. Op. cit. S. 7*; *Miller T. Op. cit. S. 53, 115*; *Scott L. Op. cit. P. 507.*

долонках напоминает старинную сказку и гораздо больше подходит для мифа, чем для исторического произведения. Нетрудно заметить, что этот рассказ имеет явные параллели в греческих мифах (например, Манто, дочь Тиресия, которая должна была выйти замуж за первого, кого встретит в Колофоне; или Идомений, царь критский, давший обет принести в жертву первого, кого встретит на своем пути, и т.д.)³⁴. Ближайшая же историческая аналогия содержится в «Географии» Страбона – в рассказе о том, как фокейцам, основавшим Массалию, был дан оракул взять себе проводника от Артемиды Эфесской, и этим проводником оказалась знатная женщина Аристарха, которой богиня явилась во сне, повелев ей последовать за фокейцами, и которая стала затем жрицей в храме Артемиды в Массалии (Strab., I, 1, 4). Суть всех подобных сказаний очевидна: человеку предписывается положиться «на удачу», т.е. отдать себя в руки случайности, с тем, чтобы свершилась воля божества. Тем самым во всех этих легендах указывается на сакральный характер событий.

Следует полагать, что и сюжет о долонках попал в книгу Геродота не только потому, что «отец истории» любил рассказывать занятные байки. Совершенно очевидно, что эта история была призвана показать сакральный характер мероприятия Мильтиада. Очень возможно, что такова была официальная версия «призвания Мильтиада», обосновывавшая его колонизационную экспедицию. Естественно, что для легитимации такого мероприятия была необходима божественная санкция, которая и представлена в рассказе Геродота в виде двойного оракула – долонкам и самому ойкисту³⁵. Очевидно, немалое значение имел и тот факт, что Мильтиад не по собственному произволу вторгся на Херсонес, а был приглашен туда местным племенем³⁶. К этому следует добавить также олимпийскую победу Мильтиада, дававшую ему право на власть. В результате, предпринимая свою экспедицию, он имел дважды подтвержденную харизму – дельфийским оракулом и победой в Олимпии, да плюс еще политическое обоснование, в виде приглашения от долонков. Тем самым он получал статус героя, любимца богов, избранного для выполнения великой миссии.

Таким образом, будет справедливым согласиться с мнением Хельмута Берве, что обстоятельства политической жизни (*politische Zustände*) того времени ока-

³⁴ Подробнее см.: Scott L. Op. cit. P. 508.

³⁵ См.: Malkin I. Op. cit. P. 77 f.

³⁶ В этом нет ничего удивительного и потому естественно, что некоторые исследователи склонны доверять рассказу Геродота о долонках – см.: Adcock F.E. Athens under tyrants // САН, vol.VI, 1926. P. 69 (Кстати, в новом издании САН рассказ о посольстве долонков не анализируется, зато приглашение долонков Мильтиаду принимается как факт: Andrewes A. The Tyranny of Pisistratus // САН, III / 3. 2008. P. 404.); Владимирская О. Ю. Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношениях // Мнемон, 1, СПб., 2002. С. 36.

зываются гораздо более архаичными, чем нам хотелось бы о том думать³⁷. Во всяком случае, совершенно очевидно, что Мильтиад ориентировался на древние легендарные образцы и легитимировал свою власть с помощью религиозных представлений. Иными словами, он сознательно вписывал свою деятельность в архетипические ментальные матрицы, уходящие корнями в далекое прошлое. Понимание этого факта позволяет составить более точное представление о характере и мотивах руководимой Мильтиадам экспедиции на Херсонес.

Теперь можно утверждать, что в споре о частной или государственной организации афинской экспедиции на Херсонес, сам по себе архаический характер ее идеологии и ориентация лидера на древние образцы перевешивают чашу весов в сторону признания всего мероприятия личной инициативой знатного аристократа. Кроме того, весьма архаичным был и способ комплектации команды – с Мильтиадам отплыли исключительно добровольцы. Как верно заметил Берве, это является показателем слабости государственной организации и свидетельствует в пользу частного характера всего мероприятия³⁸. Примеры и образцы для подобных акций в достатке можно было найти в сказаниях прошлого. Хорошо известно, что славные герои греческих мифов зачастую пускались в опасные морские путешествия на свой страх и риск – достаточно вспомнить Геракла, Тесея, Одиссея, или путешествие аргонавтов³⁹. Были вдохновляющие примеры и помельче масштабом, зато более близкие к жизни – например, весьма реалистично описанная Гомером экспедиция Телемака, который отправился на поиски отца, в частном порядке снарядив корабль и собрав команду добровольцев (Od., II, 292sq, 385 sq; IV, 64sq). Понятно, что ни о каких государственных акциях при этом не может быть и речи. Но, поскольку так поступали славные герои прошлого, служившие образцами для аристократов следующих поколений, вполне естественно, что и в историческую эпоху находились люди, повторявшие поведенческие модели славных предков. Кстати, в истории Афин нам известно два таких эпизода – отвозование Солоном Саламина, и экспедиция Фринона. О Фриноне речь пойдет ниже, а что касается операции Солона, то она, как известно, была осуществлена таким же частным образом, малыми силами добровольцев, да еще и с использованием архаичного ритуала переманивания на свою сторону героев – покровителей противника с помощью жертвоприношения (Plut. Sol., 8–9)⁴⁰. Одним словом, действия Мильтиада прекрасно вписываются не только в господствующие идеологемы того времени, но и в рамки стандартных действий.

³⁷ Berve H. Op. cit. S. 35.

³⁸ Ibid.

³⁹ На этот аспект справедливо обратил внимание И.Е. Суриков: *Суриков И.Е. Великая греческая колонизация...* С.26.

⁴⁰ О частном характере акции Солона см.: *Stahl M. Op. cit. S.204; Frost F. The Athenian Military before Cleisthenes // Historia. 33. 1984. S. 289; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 207 сл.*

В пользу частного характера экспедиции Мильтиада говорит также и тот факт, что он передал власть своему племяннику Стесагору, т.е. распорядился судьбой страны самостоятельно, без помощи афинского полиса⁴¹. Кроме того, следует учитывать, что хотя Писистрату и было выгодно отплытие Мильтиада из Афин, вряд ли он мог оказать существенную помощь экспедиции, т.к. дело происходило вскоре после его воцарения в 560 г. до н.э.⁴², и он еще не успел как следует укрепиться у власти⁴³. Реальное участие Афин в херсонесских делах имело место позднее⁴⁴, когда Писистратиды помогли взять власть на полуострове брату погибшего Стесагора, Мильтиаду Младшему, выделив ему для этого триеру (Hdt., VI, 39). Однако это еще не дает основания видеть здесь государственную экспансию Афин, как полагал Бенгтсон⁴⁵. Столь незначительная помощь мало походит на государственную кампанию, и скорее говорит в пользу предположения о личной инициативе Писистратидов, осуществленной ими в рамках аристократических отношений дружбы, которые они, по словам Геродота (Ibid.), поддерживали с потенциальным преемником власти на Херсонесе. Это больше напоминает акцию Писистрата на Наксосе, в ходе которой он отблагодарил за поддержку своего друга Лигдамида, оказав ему помощь в захвате власти на острове (Hdt., I, 61, 64). В обоих случаях имели место как принципы аристократической дружбы, так и желание иметь у власти в других государствах по возможности больше «своих людей»⁴⁶. И конечно, возвращение Мильтиада Младшего «на историческую родину» в качестве афинского гражданина является свидетельством не афинской государственной программы на Херсонесе, а естественного поведения афинян, которые приняли в свои ряды человека, выросшего в афинском гражданстве и просто вернувшегося домой⁴⁷.

Итак, подводя итоги сказанному, можно сделать несколько замечаний относительно мотивов и целей предприятия Мильтиада Старшего. Во-первых, следует

⁴¹ *Leschhorn W.* Op. cit. S. 78f.

⁴² О проблемах датировки см.: *Berve H.* Op. cit. S.8f; *Graham A.J.* The Colonial Expansion of Greece // САН. 3. Part 3. Cambridge, 1982. P. 121; *Hammond N.G.L.* The Philaids and the Chersonese // *ClQ*, VI, 1956, P.129; *Владимирская О. Ю.* Ук. соч. С. 38сл.

⁴³ *Graham A. J.* Op. Colony and Mother City... P. 33

⁴⁴ Высказано мнение, что и сам Писистрат мог оказать поддержку Мильтиаду, т.к. это отвечало его интересам (*Kinzl K.* Betrachtungen zu älteren Tyrannis // *Die ältere Tyrannis bis zu den Perserkriegen* / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1979. S.313.), однако без опоры на источники, это предположение остается чисто гипотетическим.

⁴⁵ *Bengtson H.* Op. cit. S.17, 22 – 25.

⁴⁶ Кстати, это еще один аргумент в пользу того, что между Писистратом и Мильтиадом были дружественные отношения, т.к. трудно допустить, чтобы тиран позволил укрепиться на Херсонесе своему противнику – см.: *Владимирская О. Ю.* Ук. соч. С. 40.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Berve H.* Op. cit. S. 25.

признать отсутствие экономических причин для колонизации Херсонеса – как уже не раз отмечалось, Аттика в ту эпоху еще не страдала от перенаселения, не испытывала дефицита земли и не стала еще торговой республикой, борющейся за товары и рынки⁴⁸. Следовательно, причины следует искать в сфере политической и ментально – идеологической. Во-вторых, говоря об этих причинах, помимо самоочевидного нежелания Мильтиада оставаться под властью афинского тирана⁴⁹, следует выделить и подчеркнуть идейную составляющую, т.е. внутреннюю мотивацию инициатора экспедиции. Все говорит о том, что здесь на первое место следует поставить его желание реализовать свою выдающуюся харизму, проявить аристократическую доблесть, завоевать славу и занять соответствующее амбициям и статусу положение. Естественно, что харизма столь выдающегося аристократа, да еще удостоверенная в Олимпии, предполагала только одно место, достойное героя – у кормила власти. Перед таким избранником судьбы, претендующим на свое «место под солнцем» открывались два пути – захват власти в своем городе или основание нового города. В обоих случаях он получал власть, славу, почести, богатство. Ввиду того, что первый вариант был уже реализован Писистратом, Мильтиаду оставался только второй путь, и он им воспользовался.

* * *

Поскольку Мильтиад Старший назван здесь зеркалом греческой колонизации, это означает, что его пример видится как достаточно типичный для колонизационной практики греков той эпохи. Имеется в виду, что если посмотреть на греческую колонизацию сквозь призму ментально – идеологических установок, то сходные причины, цели и мотивации можно обнаружить и в ряде других случаев. Конечно, речь идет не о том, чтобы свести все к одному объяснению, но о том, чтобы среди целого ряда причин греческой колонизации выделить и обозначить ментально – идеологический фактор, играющий, как мне кажется, нередко самую решающую роль. Таким образом, предметом разговора становится, прежде всего, аристократическая идеология, т.е. те ее аспекты, которые формировали мотивационное поле людей, покидавших родные пенаты, чтобы попытаться счастья на новых землях.

Аристократический характер греческой колонизации уже не раз отмечался в научной литературе⁵⁰, однако в большинстве случаев констатация этого

---

⁴⁸ Stahl M. Op. cit. S. 213 – 215; Welwei K. – W. Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992. S. 147 – 149; Суриков И.Е. Великая греческая колонизация... С. 33.

⁴⁹ В этом, как правило, все солидарны: Miller T. Op. cit. S. 53; Leschhorn W. Op. cit. S. 78; Bengtson H. Op. cit. S. 7.

⁵⁰ См. например: Berve H Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // H. Berve. Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1966. S. 237ff; Stahl M. Op. cit. S. 75ff; Купба-тов А. А. Аристократия в архаической Греции. Астрахань, 2006. С. 86 – 120.

факта повисает в воздухе, не приводя к серьезным концептуальным выводам. Например, когда обсуждается вопрос о причинах колонизации, руководящая роль аристократии в этом процессе либо только формально констатируется, либо отодвигается на задний план, или даже вовсе не принимается в расчет, в то время как все внимание исследователей обращается, как правило, на явления социального, политического, демографического и экономического порядка. Вследствие этого, причинами колонизации обычно называются такие явления, как рост населения⁵¹, недостаток земли⁵², засуха и голод⁵³, торговые интересы⁵⁴, а также политическая борьба, вынуждающая проигравшую сторону искать себе новую родину⁵⁵. И, хотя тезис о демографическом взрыве в архаическую эпоху постоянно подвергается корректировке⁵⁶, сам факт роста населения сомнению не подлежит и поэтому основной мотивацией греческих колонистов с давних пор и по-прежнему считается аграрный вопрос⁵⁷. Вместе с тем, не теряет актуальности и концепция, делающая акцент на торговых интересах в колонизационном процессе – сторонники этой точки зрения рассматривают торговлю как универсальную «палочку-выручалочку», способную все объяснить. Так, например, находки греческой керамики на Сицилии и в Италии, относящиеся к доколониационному периоду, интерпретируются как бесспорные доказательства торговых сношений⁵⁸.

⁵¹ Например: *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980. P. 22ff; *Ruschenbusch E.* Übervölkerung in archaischer Zeit // *Historia*. 40. 1991. S. 375 – 378.

⁵² *Graham A.J.* The Colonial Expansion ... P. 83 – 162; *Murray O.* Der frühe Griechenland. München, 1985. S. 140; *Miller T.* Op. cit. S. 31ff etc...

⁵³ Например: *McK Camp II J. A.* Drought in the Late Eight Century BC // *Hesperia*. 48. 1979. P. 397 – 411. В эту категорию можно отнести любые вообще внешние катаклизмы: *Dogherty C.* Op. cit. P. 16ff.

⁵⁴ Например: *Sartori F.* Antichi insediamenti greci nell' occidente mediterraneo // *Atti dell' Istituto Veneto di Scienze. Lettere et Arti*. CXLVIII, 1989 – 90. P. 163 – 182; *Boardman J.* Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981. S. 192f; *Miller T.* Op. cit. S. 39 – 46.

⁵⁵ Например: *Schaefer H.* Eigenart und Wesenzüge der griechischen Kolonisation // *Probleme der alten Geschichte*. Göttingen, 1963. S. 362 – 383; *Miller T.* Op. cit. S. 47 – 49; *Суриков И Е.* Великая греческая колонизация... С. 22 – 24.

⁵⁶ *Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City – State. Cambridge, 1987. P. 57 – 71, 156 – 167; *Scheidel W.* The Greek Demographic Expansion. Models and Comparisons // *JHS*, 123, 2003. P. 120 – 140; *Tsetskhaladze G.* Revising Ancient Greek Colonization // *Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and their Settlements Overseas* / Ed. G. Tsetskhaladze. Mnemosyne. Suppl. 193. 1. Brill. 2006. P. xxxviii.

⁵⁷ См.: *Gwynn A.* The Character of Greek Colonisation // *JHS*, 38, 1918. P. 88 – 123; *Miller T.* Op. cit. S. 31ff; *Graham A. J.* The Colonial Expansion... P. 158; *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII – VIII вв. до н.э. Москва, 1982. С. 44сл.

⁵⁸ Например: *Blakeway A.* Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily and France in the Eight and Seventh Centuries B.C. // *BSA*. 33. 1933. P. 170 –

Нет никаких сомнений в том, что все упомянутые факторы имели место и сыграли свою очень весомую роль в процессе греческой колонизации. Однако, в который уже раз, необходимо сделать оговорку относительно их возможной переоценки⁵⁹. Дело в том, что, если обратиться к самым истокам колонизации, то легко увидеть, что все перечисленное выше заметно блекнет и теряет в значении. Известно, что первые греческие города в Сицилии и Италии появились примерно во второй половине – в тридцатых годах VIII –го века до н.э.⁶⁰. Однако совершенно ясно, что на тот момент демографический взрыв и экономический подъем еще только начинались и не могли быть определяющими факторами в возникновении колонизационного процесса. Греция еще выходила из состояния спячки «темных веков» и все бурное развитие было впереди. Конечно, это предмет отдельного обсуждения, но здесь, не углубляясь в анализ экономических процессов, будет уместно лишь отметить некоторые важные положения, вытекающие из достигнутого нашей наукой знания.

Во-первых, к началу колонизации рост населения находился еще только в начальной стадии развития⁶¹. Как отмечают специалисты, в VIII в. до н.э. появляющееся избыточное население решало свои экономические проблемы как правило путем освоения внутренних регионов Греции⁶². Следовательно, перенаселенность и дефицит земли еще не стали первейшей актуальностью, побуждавшей людей покидать родные места – все это превратилось в серьезную проблему несколько позднее.

Во-вторых, торговля в качестве именно коммерческой деятельности находилась в тот период еще в неразвитом состоянии и гораздо чаще имела ме-

---

208; Boardman J. Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981. S.192; Graham A. J. Collected Papers on Greek Colonization // Mnemosyne. Suppl. 214. Brill, 2001. P. 25 – 27.

⁵⁹ См.: Суриков И.Е. Великая греческая колонизация... С.20сл.

⁶⁰ Несмотря на отдельные неточности, общая хронология вырисовывается более или менее ясно: Graham A. J. Collected Papers... P. 30ff; Tsetschkaladze G. Op. cit. P. xxxi – xxxviii; Greco E. Greek Colonization in Southern Italy: A Methodological Essay // Greek Colonization... Vol. 1. P. 171ff; D'Agostino B. The First Greeks in Italy // Greek Colonization... P. 203 – 215; Domínguez A. J. Greeks in Sicily // Greek Colonization... P. 256ff; Osborne R. Early Greek Colonization. The Nature of Greek Settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and Evidence / Ed. N. Fisher, H. Van Wees. Duckworth, 1998. P. 264.

⁶¹ Так, например, графики демографического роста в архаической Греции, которые рисуют исследователи, показывают постепенный и не очень резкий прирост населения в период с 800 по 600 г.г. до н.э., т.е. в то время, когда начиналась и набирала обороты греческая колонизация; согласно этим же графикам, рост населения достиг кульминации уже после 500 г. до н.э., т.е. когда волна колонизации пошла на убыль (Scheidel W. Op. cit. P. 122 – 128). Это означает, что нет прямой и жестко детерминированной связи между ростом населения и колонизацией.

⁶² См.: Scheidel W. Op. cit. P. 124.

сто торговля – дарообмен, чем торговля – бизнес. Также и ремесло в греческих городах того времени еще не успело превратиться в столь серьезную отрасль экономики, чтобы направлять развитие торговли и колонизации⁶³. Поэтому, находки греческой керамики в Италии и Сицилии доколониционного периода следует воспринимать не столько как следы коммерческой деятельности греков, и не столько как аргументы в пользу теории о торговых причинах колонизации, сколько как свидетельства различного рода контактов или присутствия греков в этом регионе. Присутствие же это могло быть самым разнообразным, далеко не только коммерческим: греки могли появляться на западе как послы, гости, путешественники, пираты, беглецы, искатели новой жизни и т.д. Следует иметь в виду, что греческий мир изначально был весьма мобильным, и что его пронизывали всевозможные связи, соединявшие людей через моря, леса и горы⁶⁴. Как известно, уже в архаическую эпоху в этом мире путешествовали не только торговцы, но и писатели, художники, философы⁶⁵. Надо думать, что и в период «греческого ренессанса» путешествовали не одни только торговцы и ремесленники... Помимо того, керамика могла попадать на места раскопок через третьи-десятые руки, подобно тому, как в позднейшие времена римские монеты оказывались в краях, где не ступала нога римлянина. Короче говоря, начало колонизации приходится на тот период, когда экономические интересы еще не могли стать фактором, определяющим мотивацию греков.

В-третьих, необходимо учитывать, что, усматривая во всем только причины экономического и социально – политического порядка, мы явно модернизируем историю, перенося категории своего времени в прошлое. Экономикоцентризм есть характернейшее явление нашего времени и поэтому мы слишком охотно не замечаем, что другие эпохи могли иметь еще и другие мотивации, зачастую гораздо более существенные для тех людей, чем экономические интересы и нужды. Уже Фюстель де Куланж заметил, что изучать прошлое нужно забыв о себе⁶⁶, однако мы чаще забываем об особенностях прошлого, чем о себе⁶⁷.

⁶³ Как известно, настоящий расцвет ремесла и торговли начинается с конца VII-го – начала VI-го в.в. до н.э. а для более раннего периода археология не всегда даже фиксирует наличие ремесленных мастерских в греческих городах – см.: *Stillwell A. N. The Potters Quarter // Corinth. The Results of Excavations. Vol. 15. Pt. 1. Cambridge, 1948. P. 11ff*; *Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально – экономического и политического развития Греции XI – VIII вв. до н.э. СПб., 2004. С. 176.*

⁶⁴ См.: *Osborne R. Early Greek Colonization... P. 257.*

⁶⁵ Подробнее см.: *Зайцев А. Ук. соч. С. 68 – 85.*

⁶⁶ *Куланж де Фюстель Н. Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. С.3.*

⁶⁷ Подробнее этот вопрос рассматривался мной в статье: *Туманс Х. Будут ли у нас свои "Анналы"? // Мнемон. 1. СПб., 2002. С. 287 – 307.*

В-четвертых, из истории нам известно, что с подобными проблемами, вызванными ростом населения и сопутствующими экономическими трудностями, сталкивались и другие народы в разные времена. К тому же, как отмечают исследователи, демографический рост в рассматриваемый период имел место не только в Греции, но и в – целом, в той или иной степени, во всем Средиземноморье⁶⁸. Однако феномен греческой колонизации, несмотря на отдельные типологические параллели, остается явлением уникальным в своем роде. Отсюда опять-таки следует, что исходные причины этого процесса кроются, скорее всего, в культуре, а точнее, в сознании древних греков той эпохи.

Размышляя же о первопричинах, необходимо учитывать сам характер той эпохи, когда первые греческие колонисты отправлялись за море для поселения. Нельзя забывать, что именно тогда (конец VIII – начало VII вв.) создавался героический эпос, и, следовательно, в обществе господствовали эпические ценности военной аристократии. Это означает, что мотивацию аристократов, руководивших колонизационными процессами, составляла, прежде всего, жажда подвигов, славы и богатства. Иными словами, знатные воины тех времен, также, как и Мильтиад Старший, стремились реализовать свою харизму, получить почести и занять в обществе место, достойное их амбиций. При этом следует принимать в расчет также и то обстоятельство, что чаще всего только старшие сыновья из аристократических родов занимали главенствующее положение в семье и в обществе, в результате чего в обществе неизбежно появлялись аристократы «не у дел», имевшие амбиции лидеров, но не имевшие возможностей для их реализации⁶⁹. Таким образом, по разным причинам во многих греческих городах скапливался «горючий материал», чреватый конфликтами и переворотами. Эти «лишние» люди вдохновлялись героической идеологией и мечтали завоевать себе славу и статус собственными подвигами. Как раз колонизация и предоставила им прекрасную возможность для этого.

В свете всего сказанного заслуживает особого внимания тот факт, что, по свидетельству Фукидида, Занкла – одна из самых первых колоний на Западе – была основана пиратами (Thuc., VI, 4, 5 см. также: Paus. IV, 23, 7)⁷⁰. Конечно, само по себе это обстоятельство не вызывает удивления, т.к. пиратство тогда было обыденным явлением жизни. Однако, что это были за пираты? Естественно, что пиратство тех времен заметно отличалось от того, что мы при-

---

⁶⁸ Scheidel W. Op. cit. P.136.

⁶⁹ D'Agostino B. Op. cit. P. 219.

⁷⁰ Стати, в Занкле как раз была найдена греческая керамика доколониального периода: D'Agostino B. Op. cit. P. 218; Dominguez A. J.... Op. cit. P. 266. О сложной двухэтапной истории основания Занклы см. например: Dunbabin T.J. The Western Greeks. The History of Sicily and South Italy from Foundation of Greek Colonies to 480 B.C. Oxford, 1948. P.11; Шубин В.И. Занкла: к истории основания // Мнемон, 9, СПб., 2010. С. 19 – 26.

выкли понимать под этим словом. На это указывают хорошо известные слова Фукидида, которыми он характеризует раннюю пору греческого мира: «... и эллины и варвары на побережье и на островах обратились к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишённые средств люди, искавшие и собственной выгоды и пропитания неимущих. Они нападали на незащищённые стенами поселения и грабили их, добывая этим большую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом» (Thuc., I, 5, 1; пер. Г. А. Стратановского). Далее Фукидид рассказывает о старинном обычае справляться у приезжих моряков, не разбойники ли они, и о традиции носить всегда при себе оружие – даже дома, «подобно варварам» (Ibid., I, 5, 2 – 3; 6,1).

В этом знаменитом пассаже Фукидида содержатся три важных мысли о характере пиратства героической эпохи: во-первых, он указывает на глубокую архаичность тех условий жизни, когда на море и на суше процветал разбой, во-вторых, он явно даёт понять, что организаторами пиратского «бизнеса» были аристократы, т.е., элита общества, и в-третьих, сообщает – и это для нас особенно важно – о том, что разбойный промысел почитался тогда славным и почетным делом. При этом все три тезиса рисуют картину, вполне соответствующую исторической действительности, насколько мы можем о ней судить. Ведь с одной стороны, археология свидетельствует о воинственности «темных веков», когда каждый мужчина погребался с оружием, как воин⁷¹, а с другой стороны, Фукидида дополняет и поясняет самый, что ни на есть, аутентичный источник той эпохи – гомеровский эпос. Достаточно вспомнить ложную историю Одиссея, в которой он представляется этаким «эвпатридом удачи» с Крита:

Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил – и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита

(Od., XIV. 229 – 234; пер. В. А. Жуковского).

Как видно, в словах Одиссея явственно звучит гордость за успехи в разбойном промысле, и это естественно для героической этики, построенной на ценностях военной аристократии. Конечно, рассказ этот вымышленный, но он рассчитан на то, чтобы его воспринимали как достоверный, т.е. он отражает типичную ситуацию, хорошо знакомую эпическому слушателю. Собственно го-

⁷¹ См.: Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. 1. Berlin, 1939. S.192; Mersch A. Studien zur Siedlungsgeschichte Attikas von 950 bis 400 v. Chr. Frankfurt / Main, 1996. S.26; Welwei K. – W. Op. cit. S. 63, 69, 88f; Бойзек Я. К истории Аттики XI – VIII вв. до н.э. // ВДИ, 1962, 1. С. 107, 109.

воря, как уже не раз было отмечено⁷², в понятиях той эпохи пиратство представлялось не преступным грабежом, а обычным проявлением воинской доблести, ведь самое достойное богатство для героя – это добытое в бою. Подобных примеров в эпосе предостаточно – гомеровские герои постоянно занимаются разбоем и похваляются этим (Il., XI, 670 – 682; Od., II, 70 – 74; III, 105sq; IX, 252sq; XI, 71 – 74; XXI, 15 – 24). Даже великий Геракл, сын Зевса, величайший герой и пример для всех греков, не смог удержаться от бесчинства и не только украл коней у Ифита, но и убил его самого, когда тот явился за пропажей (Od., XXI, 24 – 30). Словом, на заре греческой истории пиратство воспринималось как доблестный способ добывания жизненных средств с оружием в руках. Кстати, в этой связи нельзя не вспомнить знаменитого поэта Архилоха, который в стихах заявил, что копьем добывает себе хлеб и вино (Arhil., Fragm. 1, 2, 5 Diehl). Принято считать, что он был наемником⁷³, но это нигде явно не сказано, а потому можно допустить, что он мог заниматься и более достойным по той шкале ценностей промыслом – пиратством «в чистом виде». Хотя верно видимо и то, что архаическое пиратство и наемничество были в чем-то родственными явлениями, ведь они оба так или иначе проистекали из аристократической идеологии, воспевающей воинские доблести⁷⁴.

Таким образом, изначально пиратство у греков было лишь одним из путей к воспетой Гомером ратной славе. Жажда этой самой славы толкала эпиче-

---

⁷² См.: Ormerod H. M. Piracy in the Ancient World. London, 1997. P. 61ff; Souza de Ph. Piracy in the Graeco – Roman World. Cambridge, 1998. P. 18 – 21.

⁷³ Например: Burnett A. P. The Archaic Poets. Archilochus, Alcaeus, Sappho. Duckworth, 1983. P. 15, 28 etc; Luraghi N. Traders, Pirates, Warriors: The Proto-History of Greek Mercenary Soldiers in the Eastern Mediterranean // Phoenix, 60, 1 / 2. 2006. P. 23. Правда, существуют и более осторожные оценки, в которых утверждается лишь несомненная связь Архилоха с военным делом, но без попыток конкретизации: Podlecki A. The Early Greek Poets and their Times. Vancouver, 1984. P. 39ff.

⁷⁴ Само собой, что в историографии господствует опять-таки экономическое объяснение происхождения греческого наемничества, со ссылкой на все те же проблемы – рост населения, дефицит земли и т.д.: Bettali M. I. Mercenari nel mondo greco: Dalla orogini alla finne del V sec a. C. Pisa. 1995. P. 24ff; Kaplan P. The Social Status of the Mercenary in Archaic Greece // Gorman and E. W. Robinson (eds.), Oikistes: Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World. Offered in Honor of A. J. Graham. Leiden, Boston, and Cologne. 2002. P. 230. Правда, иногда говорится об аристократическом характере архаического наемничества: Kaplan P. Op. cit. P. 241. (см. критику этого положения: Luraghi N. Op. cit. P. 22 – 25) Мне же представляется, что, если наемничество и нельзя считать чисто аристократическим феноменом, то нельзя, тем не менее, отрицать его связь с аристократической идеологией (Luraghi N. Op. cit. P. 23f.); следовательно и в этом случае роль основного мотивирующего фактора играла аристократическая система ценностей, а не экономика.

ских героев на всевозможные подвиги и приключения. А поскольку эпос в архаическую эпоху, особенно же в ее начале, имел статус нормативного, культурообразующего текста, задающего все основные ценности, то более чем естественно, что аристократы, возводившие свои родословные к героям прошлого и легитимировавшие свой статус доблестями и заслугами, стремились подражать древним образцам и как можно больше уподобиться своим кумирам⁷⁵. Они по сути своей были и должны были быть воинами, сражавшимися ради славы, власти и богатства. Поэтому, если по случаю не было какой-нибудь «официальной» войны, они ее сами «придумывали», легко становясь пиратами, наемниками, ойкистами или тиранами. Любой из этих путей сулил им «немеркнущую славу», которая и была их главной заботой. При этом колонизация была одним из самых выгодных и надежных способов для достижения этой заветной цели, т.к. основывая колонии знатные аристократы не только получали власть и почет, но и подражали делам древних героев, некоторые из которых были основателями городов (как, например, Аргос, Тиринф, Персей, Кадм и т.д.). Это было особенно важно, т.к. уже начиная с «гомеровских времен» следование героическим примерам прошлого являлось неотъемлемой частью аристократической идеологии, согласно знаменитому эпическому принципу – быть «достойным породы бодрых отцов, за дела прославляемых всюю землею» (Od., XXIV, 509).

Следовательно, напрашивается вывод, что пираты, основавшие Занклу, были не простыми разбойниками, но скорее всего аристократами, жившими по правилам героической этики в самом архаичном ее понимании. Тем самым прослеживается прямая связь между аристократической идеологией и колонизацией уже на самом раннем ее этапе. Судя по всему, этот случай был не единственным, и только недостаток источников не позволяет нам увидеть всю картину целиком. Зато в нашем распоряжении имеются отдельные факты, показывающие, как в историческую эпоху аристократы искали возможности проявить свою доблесть на стезе пиратства.

Первым на ум приходит Поликрат – знаменитый тиран Самоса, обладавший флотом в сто пятидесятивесельных кораблей⁷⁶ и занимавшийся морским разбоем и захватом владений (Hdt., III, 39; Thuc. I, 13; III, 104; Strab., XIV, 1, 16). Он имел большую власть и большие богатства, прославился монументальными строительными проектами и вполне мог позволить себе спокой-

⁷⁵ Подробнее об этом см.: Туманс Х. Рождение Афины... С. 115 – 125.

⁷⁶ Кстати, здесь хочется отметить одну, уже замеченную в литературе деталь: Поликрат составил свой флот не из триер, более удобных для настоящей морской войны, а именно из легких и подвижных пентеконтер, лучше подходящих как раз для пиратских рейдов – см: Haas Ch. J. Athenian Naval Power before Themistocles // Historia, 34, 1. 1985. P. 37ff.

ную жизнь, преумножая свои богатства мирным путем. Однако же, этого ему было явно недостаточно и он промышлял морским разбоем. Судя по всему, его побуждала к тому не скудость средств и не жажда наживы, а именно та самая харизма, возбуждавшая в нем стремление стяжать славу и богатство самым достойным образом, т.е. «по праву копьа»

Другой, менее известный пример относится к фокейскому военачальнику Дионисию, который, после поражения восставших ионийских греков в 494. г. до н.э., решил не возвращаться на обреченную родину, но выбрал вместо этого свободную жизнь в духе славных предков, и, захватив три вражеских корабля, занялся морским разбоем, грабя финикийские и этрусские корабли, а греческие не трогая. (Hdt., VI, 17). Таким образом он осуществил древний эпический идеал вольной ратной жизни в новых условиях, удачно влив «старое вино в новые мехи». Правда, новым в его деятельности был только выбор объектов для нападения, вернее, сам принцип такого отбора⁷⁷, в то время как способ «зарабатывания» и образ жизни ничем не отличались от славных примеров прошлого. Собственно говоря, в этом, судя по всему, и состояла его цель – реализовать свою аристократическую харизму, уподобившись древним героям. При этом у него было два способа добиться искомого: стать на тропу войны, т.е. заняться пиратством, или основать новый город. Дионисий выбрал первый путь, но вряд ли приходится сомневаться, что при других условиях он стал бы основателем очередного нового полиса.

Надо полагать, что такой же внутренний импульс руководил Никодромом, сыном Кнефа, с Эгины. Геродот называет его «почтенным человеком» (Hdt., VI, 88)⁷⁸, что указывает на его аристократическое происхождение. У него были претензии к правящей элите острова, и он явно собирался захватить власть: в условленное время он поднял восстание, но афиняне, поддержки которых он ждал, не успели прийти на помощь, восстание было жестоко подавлено правящими олигархами⁷⁹ и Никодром был вынужден спасаться бегством. Афиняне предоставили ему убежище на мысе Сунии, откуда он со-

⁷⁷ В этом смысле Дионисия и в самом деле можно сравнивать с известным пиратом Фрэнсисом Дрейком, который промышлял разбоем с учетом политических интересов своего государства: *How W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol.2. Oxford, 1961. P. 70.*

⁷⁸ См.: *Figuera T. J. Aigina: Society and Politics. New York, 1981. P. 306 – 310.*

⁷⁹ Под олигархами здесь следует понимать не аристократов, а именно богатых «новых людей» (*homines novi*), разжившихся на торговле и ремесле (см.: *Figuera T. J. Op. cit. P. 314 – 321*). Показательно, что Геродот называет их «жирными» (*παχέες*), т.е. применяет к ним явно уничижительное слово (*pejorative term* – *Figuera T. J. Athens and Aigina in the Age of Imperial Colonization. Baltimore, 1991. P. 105*). Таким образом, и в этом случае срабатывает классическая социальная схема: тиран выступает против богатей и его поддерживает простой народ.

вершал потом разбойничьи набеги на Эгину (Hdt., VI, 87 – 90). Эти события происходили в начале V в. до н.э.⁸⁰, однако их внутренняя логика восходит к очень древним временам. Совершенно очевидно, что Никодром, также как и многие знатные лидеры до и после него, стремился достичь славы и власти, и действовал при этом согласно старинным канонам – он попытался стать тираном, а потерпев фиаско, стал пиратом и квази-ойкистом, обосновавшимся на чужой земле. Конечно, новая эпоха наложила свой отпечаток на его поступки, и это выразилось в том, что он уже задействовал социальные противоречия, привлекая на свою сторону простой народ, а также использовал геополитическую ситуацию, обратившись за помощью в Афины. Однако, вся его деятельность, известная нам, укладывается в классический набор амплуа: тиран, пират, ойкист. Правда, из этих трех ролей ему удалась только роль пирата, но это не меняет сути дела: движущей пружиной всех поступков Никодрома было стремление реализовать свои харизматические амбиции. При более благоприятном стечении обстоятельств он без сомнения стал бы либо тираном, либо ойкистом. Кстати, именно так и поступил Аристагор – главный зачинщик восстания ионийских греков: поняв, что дело проиграно, он покинул обреченный Милет и перебрался во Фракию, где основал новый город (Hdt., V, 124 – 126)⁸¹.

Что же касается конкретно колонизационного аспекта истории Никодрома, то, само собой разумеется, что его убежище на Сунии ни в коем случае нельзя рассматривать как колонию. Вне всяких сомнений, что афиняне не позволили бы ему основать колонию на своей земле, и не для того они давали ему приют у себя. Но, по сути дела, очевидно, что его пиратское гнездо в Аттике типологически родственно основанному пиратами поселению в Занкле. В принципе, такое пиратское гнездо можно рассматривать как своего рода прото-колонию. Очевидно, данная ситуация должна была быть вполне типичной для ранней архаики, коль скоро она могла повториться и в позднейшие времена.

Итак, история архаической эпохи красноречиво свидетельствует о том, что древняя система ценностей еще долго сохраняла свою силу и определяла поведение многих аристократов. Но одновременно эта же история напоминает нам о том, что одной гранью колонизационной практики неизбежно была война. Причем война могла иметь характер как пиратских, так и обычных захватнических действий, как в случае Мильтиада Старшего, который был приглашен на Херсонес именно в качестве военачальника (кстати, поэтому Корнелий Непот называет его словом *imperator*: Нер., I, 1 – 4). Причем во-

⁸⁰ См.: How W., Wells J. Op. cit. P. 70. Подробный анализ см.: Figuera T. J. Aigina... P. 299 – 305; *Ibid.*: Athens and Aigina... P. 105f).

⁸¹ Это произошло примерно в 497. г.до н.э.: How W., Wells J. Op. cit. P. 66.

йна была необходима отнюдь не потому только, что грекам приходилось силой отвоевывать место для поселения у автохтонных племен, тем более, что далеко не всегда это было так. Не менее, а то и более важной стороной дела был уже упомянутый выше идеологический аспект войны, вытекающий непосредственно из аристократической системы ценностей, сформировавшейся на основе все той же идеи харизмы. Как уже было сказано, воинская доблесть считалась проявлением героической харизмы и была обязательна для настоящего героя. В эпическом кодексе чести именно война являлась самым верным способом завоевания «неувядаемой славы». Слава же, вкупе с добытым богатством и влиянием, вполне могла быть конвертирована во власть. И эпические образцы недвусмысленно подталкивали к этому, т.к. все величайшие герои Гомера сочетали в своих руках славу, власть и богатство. Поэтому естественно, что власть входила в ядро основных героических ценностей, тем более, что она, также как и слава, зачастую добывалась «на острие копья». Причем именно такой способ добывания власти полагался самым достойным⁸². Отсюда более чем закономерно, что другой гранью греческой колонизации стала тирания. Можно сказать, что нередко именно стремление стать тираном делало человека ойкистом, как это хорошо видно на примере Мильтиада Старшего.

В этом контексте наиболее близкой параллелью к деятельности Мильтиада на Херсонесе является экспедиция Фринона на Геллеспонт и основание им Сигея в самом конце VII в. до н.э. (Hdt., V, 94; Strab., XIII, 1, 38). Конечно, и в этом случае исследователи искали, как обычно, прежде всего экономические причины, надеясь увидеть в основании Сигея либо аграрные⁸³, либо торговые⁸⁴ интересы. Но, при более внимательном рассмотрении оказалось, что местоположение Сигея в ту пору не подходило ни для сельскохозяйственной колонизации, ни для торговли, ни для контроля над проливом⁸⁵. Да и Афины

⁸² Подробнее об этом см.: *Туманс Х.* Рождение Афины... С. 76 – 99.

⁸³ См.: *Berve H.* Op. cit. S. 34

⁸⁴ *Bengtson H.* Op. cit. S. 27.

⁸⁵ Подробнее см.: *Cook J.M.* The Troad. Oxford, 1973. P. 114f, 185, 360ff; *Stahl M.* Op. cit. S. 212 – 214. Однако этот тезис иногда оспаривается ссылкой на весьма туманную фразу Псевдо – Скимна (707 sq) о том, что некий *Φορβόβν* основал колонию в Элеунте, т.е. на другом берегу, у входа в Геллеспонт, напротив Сигея; отсюда делается вывод, что Фринон стремился поставить под свой контроль весь пролив: *Ковалев П. В.* Позиция Периандра в споре за Сигей // Исседон. II, Екатеринбург, 2003. С. 55. См. также: *Graham A.J.* Colony and Mother City.... P. 33; *Isaak B.* The Greek Settlement in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 161, 163, 193 (этот автор – с удивлением по поводу участия Фринона сразу в двух колонизационных мероприятиях); *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация... С. 32сл. На мой взгляд, эта фраза Псевдо – Скимна являет собой довольно шаткое основание для столь серьезных выво-

на тот момент еще не достигли такой стадии развития, чтобы думать о поиске новых земель, торговых факторий или военных баз. Более того, как уже отмечалось в литературе, афинский полис был еще настолько слаб, что оказался не в состоянии даже удержать в своих руках Саламин, примерно в то же время захваченный мегарянами⁸⁶. Одним словом, на сегодняшний день концепция экономической экспансии Афин вызывает все больший скепсис⁸⁷.

В таком случае закономерно возникает вопрос: что же тогда искал Фринон в Сигее? В контексте всего сказанного следует, что первейшей его целью была слава и власть. И, судя по всему, этим же объясняется столь странный, на первый взгляд, выбор места для реализации его харизматических амбиций. Скорее всего это место привлекло внимание Фринона не какими-то утилитарными соображениями, но исключительно своим мифологическим ореолом, ведь это район Трояды – легендарное поле славы гомеровских героев, тем более, что к Сигею непосредственно примыкали два холма, почитавшиеся как погребения Ахилла и Патрокла⁸⁸. Совершенно очевидно, что расположившись в этом почитаемом месте Фринон демонстрировал свою приверженность героическим идеалам и, тем самым, удостоверял свою аристократическую идентичность⁸⁹. Поэтому кажется верным предположение И. Е. Су-

дов, т.к. во-первых, приходится исправлять непонятное Φορβόων на Φρίνον, что выглядит уж слишком гипотетично, а во-вторых, просто невероятно, чтобы Фринон, с трудом удерживающий Сигей, мог бы располагать ресурсами для основания еще одной апойкии. Мне представляется, что с гораздо большим основанием вместо Φορβόων следовало бы читать Φορίων, поскольку этот вариант больше подходит к версии об ошибке переписчика, и к тому же, нам известен афинский архонт с таким именем, исполнявший должность в 546/5 г., т.е. в правление Писистрата (см.: *McGregor M.F. Phormion and Peisistratos // Phoenix. 1974. 28. No. 1. P. 18-21*; за помощь в разработке этой идеи выражаю благодарность И. Е. Сурикову, который, однако, не разделяет саму концепцию). Подробнее этот сюжет рассматривается в отдельной статье: *Туманс Х.* Еще несколько замечаний о Фриноне, Сигее и Питтаке // *KOINON DQRON. Studies and Essays in Honour of the 60th Anniversary of Valery Nikonorov from His Friends and Colleagues. Ed. A.A. Sinitsyn, M. M. Kholod. Spb., 2013. С. 427 – 443.*

⁸⁶ *Graham A. J. Colony and Mother City ... P. 33.*

⁸⁷ См.: *Stahl M. Op. cit. S. 213 – 215; Welwei K. – W. Op. cit. S. 147 – 149; Суриков И.Е. Великая греческая колонизация... С. 33.* Хотя, справедливости ради следует отметить, что, как и следовало ожидать, полного единодушия по данному вопросу не существует, и некоторые исследователи продолжают считать, что афиняне уже в те времена стремились захватить контроль над проливами: *Tiverios M. Op. cit. P.121; Суриков И. Е. Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе в регионе черноморских проливов // АМА, 16, 2013. С. 343т. Как говорится, quot homines, tot sententiae...*

⁸⁸ См.: *Cook J.M. Op. cit. P. 186; Stahl M. Op. cit. S. 216.*

⁸⁹ *Stahl M. Op. cit. S.216.* См также: *Суриков И.Е. Великая греческая колонизация... С. 37.*

рикова о том, что, обосновавшись в Сигее, Фринон собирался заняться пиратским промыслом⁹⁰. Во всяком случае, это было бы как раз в духе героической этики и более чем естественно для него. Показательно также, что, согласно Геродоту, в споре с митиленянами афиняне обосновывали свое присутствие в Трое ссылаясь на гомеровский эпос, а именно, они указывали на то, что их предки участвовали в общем походе эллинов против Трои, и следовательно, Афины тоже имеют право на кусочек «священной земли» (Hdt., V, 94). Как видно, мифология играла в этой истории ключевую роль. В целом же можно сделать вывод, что основание Сигея и последовавшая затем война из-за него с митиленянами, были вызваны не экономическими, а идеологическими причинами. Это еще один яркий пример того, что историю творят не только экономические, но и мировоззренческие ценности.

Что же касается организации экспедиции Фринона, то есть все основания полагать, что она, также как и экспедиция Мильтиада, была частным предприятием на свой страх и риск⁹¹. Однако этим сходство двух ойкистов не ограничивается – их объединяет еще и сходство мотиваций. Фринон тоже был олимпиоником и потому так же точно жаждал власти⁹², и, судя по всему, он также не мог реализовать своих властных амбиций в Афинах⁹³ и был вынужден покинуть родной город, чтобы попытаться счастья на чужбине⁹⁴. Таким образом, ситуация повторилась буквально один к одному. Причиной тому мо-

⁹⁰ Суриков И.Е.. Великая греческая колонизация ...С. 36сл.

⁹¹ См.: *Berve H. Miltiades...* S. 30 – 34; *Frost F. The Athenian Military Before Cleisthenes* // *Historia*. 33. 1984. P. 288; *Stahl M.* Op. cit. S. 215; *Graham A. J. Colony and Mother City ...*P.33; *Суриков И.Е. Великая греческая колонизация...* С. 33. См. также обсуждение вопроса: *Leschhorn W.* Op. cit. S. 118f; *Miller T.* Op. cit. S. 53.

⁹² Хотя сегодня некоторые скептически настроенные ученые и не решаются увидеть мотивацию Фринона в его олимпийской победе (*Mann Ch.* Op. cit. S. 68), однако, по здравом рассуждении, связь амбиций Фринона с его победой в Олимпии представляется очевидной: *Зельин К. К. Олимпионики и тираны...* С. 23слл; *Суриков И.Е. Великая греческая колонизация...* С.33сл.

⁹³ Сравнительно незадолго перед этим имела место неудачная попытка еще одного олимпионика – Килона – захватить власть в Афинах, после чего, надо думать, правящая элита должна была проявлять особую зоркость по отношению к знатым лидерам, в особенности к олимпийским победителям; поэтому можно полагать, что экспедиция Фринона стала консенсусом, по принципу: «волки сыты и овцы целы» (см.: *Туманс Х. Рождение Афины...* С. 183 – 193, 201). Или же, если принять версию И. Е. Сурикова, правящие олигархи «попросили уйти» Фринона с помощью остракизма: *Суриков И.Е.. Великая греческая колонизация ...*С. 33 сл.

⁹⁴ Эта точка зрения ранее уже была высказана мною: *Туманс Х. Рождение Афины...* С. 199 – 201. Недавно сходное мнение высказал И. Е. Суриков, расширив тезис новыми наблюдениями: *Суриков И.Е. Великая греческая колонизация ...*С.33слл., 36.

жет быть только одна и та же аристократическая идеология с ее центральной идеей харизмы, которая в обоих случаях определяла мотивацию знатных лидеров⁹⁵. И оба раза главным стимулом для обоих ойкистов стал нерешаемый дома вопрос о власти. Эту сторону греческой колонизации можно проиллюстрировать еще парой примеров.

Прекрасный пример являет собой история Дориея, сына спартанского царя Агесандрида, который по закону был вынужден уступить власть в пользу слабоумного брата Клеомена, однако, осознавая свое превосходство и полагая, что «по доблести престол должен принадлежать ему», он не захотел смириться со своим положением⁹⁶ и, попросив у спартанцев людей в спутники, отплыл и основал колонию в Ливии (Hdt., V, 42). Конечно, в литературе был опять поднят вопрос о том, была ли эта экспедиция организована государством, или частным образом⁹⁷. Однако из текста Геродота совершенно ясно следует, что инициатива исходила непосредственно от Дориея и что им же лично осуществлялась организация и руководство экспедиции, безо всякого вмешательства со стороны государства. Община спартанцев лишь позволила ему набирать добровольцев и больше не интересовалась судьбой отпльвающих, так что даже постигшая их в Ливии неудача, а затем и гибель в Италии (Hdt., V, 43 – 48) не вызвала никакой официальной реакции Спарты, что вряд ли было бы возможно в случае, если бы экспедиция была организована государством. Таким образом, Дорией частным образом собрал команду добровольцев, подобно Телемаку, отправившемуся на поиски отца, или подобно Солону, отвоевавшему Саламин. При этом мотив Дориея самоочевиден – жажда власти и подвигов, т.к. именно в поисках воинской славы он ввязался в войну в Италии, где и нашел свою смерть⁹⁸. Словом, он был одним из

⁹⁵ Как известно, Фринон и в дальнейшем поступал в соответствии с древним аристократическим кодексом чести, и, столкнувшись в Геллеспонте с противодействием митиленян, он сошелся в поединке с их предводителем Питтаком, чтобы в открытом бою, в соответствии с эпическими стандартами, решить спор о территории (Strab., XIII, 1, 38; Plut. Mor., 858a; Diog. Laert., I, 74; Polyaeon, I, 25; Festus. Retiario, 285; Suid. Πιττακός). См.: Туманс Х. Рождение Афины... С. 200; Суриков И.Е.. Великая греческая колонизация ... С.34. О хронологии и других связанных вопросах см.: Ковалев П.В. Ук. соч. С. 54 – 64. Правда, вызывает недоумение описание поединка в поздних источниках (у них Питтак выступает в качестве римского гладиатора – ретиария, набрасывая сеть на Фринона), но это уже другая проблема, которая рассматривается отдельно: Туманс Х. Еще несколько замечаний... С. 433 – 442.

⁹⁶ Кстати, здесь тоже просматривается сказочный мотив – классический сюжет о двух неравных братьях. См.: Miller T. Op. cit. S. 48.

⁹⁷ См.: Miller T. Op. cit. S. 49.

⁹⁸ Примечательно, что Дорией затеял свою авантюру «не по правилам», т.е. без санкции дельфийского оракула (Hdt., V, 42), что, видимо, и явилось причиной его не-

многих знатных аристократов, искавших реализации своей харизмы во власти, основании колонии и на войне. Невозможность добиться статуса, соответствующего амбициям, толкнула его, также как Фринона и Мильтиада, на поиски самореализации за морем. И все они действовали по одному образцу, доставшемуся в наследство от доисторических времен и навсегда запечатленному в гомеровском эпосе.

Этот сюжет снова, но уже «под другим соусом» повторяется в рассказах о Фере и Кирене. По словам Геродота Фера царствовал в Спарте⁹⁹, пока законные наследники – его племянники – оставались несовершеннолетними, однако, после того как юноши выросли и заняли престол, он не смог смириться с положением простого смертного и выселился с группой спартанцев на остров, получивший затем его имя (Hdt., IV, 147 – 148). Спустя какое-то время ситуация повторилась уже в колонии ферейцев Кирене, где, после смерти ее основателя Батта, его старший сын Аркесилай, унаследовавший власть, не смог ужиться со своими братьями, которые обидевшись на него, ушли и основали город Барку, в последствии враждебно настроенный по отношению к Кирене (Hdt., IV, 160)¹⁰⁰. Как видно, все происходит по одной и той же, хорошо знакомой нам схеме: в рядах элиты остро встает вопрос о власти, и тот, кто полагает себя обиженным, либо достойным власти, но не может реализовать свои амбиции, отправляется за море основывать новый город. При этом у него есть альтернатива: взяться за оружие, бороться за власть и стать тираном, что как раз имеет место в некоторых иных случаях. Нет сомнений, в архаическую эпоху это были весьма типичные ситуации, идейные истоки которых следует искать в эпическом мире.

Действительно, именно в эпосе легко можно найти мифологический прототип всем этим обиженным, недовольным своим положением знатым аристократам, основывающим новые города. Интересно, что таким прототипом является не «многоопытный муж» Одиссей, объездивший полсвета, а, как ни странно Ахилл – по преимуществу «сухопутный» герой, не основавший ни одной колонии. Тем не менее, именно он своим примером явил греческому миру мифологему, можно даже сказать, архетип такого обиженного героя, порывающего с коллективом во имя своих личных амбиций и уходящего в соб-

---

удач в глазах религиозных современников – подробнее об этом сюжете см.: *Malkin I. Op. cit. P. 78ff.*

⁹⁹ Принято считать, что этот Фера – чисто мифический персонаж, фиктивный герой – эпоним: *How W., Wells J. Op. cit. P. 347.* Однако здесь это не имеет никакого значения, т.к. важна сама логика событий, которая казалась верной как самому Геродоту, так и его читателям / слушателям.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Miller T. Op. cit. S. 49.*

ственное пространство власти в своем собственном мире. Ведь и в самом деле: что он сделал, когда поссорившись с Агамемноном отделился от прочих ахейцев и заперся в своем укрепленном дворе, где он пребывал словно в отдельном городе,¹⁰¹ в качестве единовластного владыки? По сути дела он откололся от ахейского квази – полиса и основал свой собственный квази – полис. Тем самым он заложил в основание греческой культуры поведенческую матрицу для многих будущих ойкистов. Вернее, это сделал не он, а Гомер, но это уже детали. И какова же при этом была мотивация Ахилла? Естественно, такая же, как и у многих вождей архаической эпохи – обида, недовольство своим положением, честолюбие, жажда славы и т.д. Ахилл был образцовым героем для всех поколений греческих аристократов и поэтому нет ничего удивительного в том, что в реальной истории у него находились последователи.

В целом же, нетрудно заметить, что в историях, рассказанных нашими источниками в связи с колонизацией, отсутствует тема экономических мотиваций, зато постоянно возникают сюжеты о славе, доблести, статусе и власти¹⁰². При этом вопрос о власти непременно оказывается в центре внимания, так

¹⁰¹ Формально Ахилл не покидал греческого лагеря, оставаясь в его пределах (что, кстати, было бы невозможно для эпического сознания, т.к. такой уход в символическом мышлении эпохи означал бы потерю ахейской идентичности), но фактически он отделился от всего войска, образовав лагерь внутри лагеря, который, как и положено, был укреплен собственной стеной из еловых бревен, причем на воротах у него был такой мощный засов, что его с трудом двигали трое сильных мужей (И., XXIV, 449 – 456). Таким образом, запершись в своем собственном мире, Ахилл образовал как бы свое государство в государстве, что можно образно назвать «внутренней колонизацией» по аналогии с «внутренней эмиграцией».

¹⁰² Особняком стоит рассказанная Геродотом история об основании Кирены, вернее даже две истории, в которых упоминаются засуха и какие-то иные невзгоды, постигшие Феру (Hdt., IV, 150 – 159). Однако, было бы ошибочно трактовать это как указание на экономические причины решения ферейцев о выводе колонии (см.: Яйленко В. П. Ук. соч. С.44сл.), т.к. оба раза Геродот совершенно однозначно говорит, что стихийные бедствия посылались божеством в наказание за непослушание и отказ выводить колонию в Ливии (Ibid., IV, 151, 156). Таким образом, для самих греков здесь имела место причинно-следственная связь совсем иного порядка, и история основания Кирены по Геродоту – это история о том, как Пифия принудила ферейцев основать колонию вопреки их воле. Кстати, Батт, руководивший основанием Кирены, в источниках называется не только ойкистом, но также басилеем и архагетом (см.: *Leschhorn W.* Op. cit. S. 60ff; *Miller T.* Op. cit. S. 113), а после смерти, как и положено, он был похоронен на агоре, где его могиле оказывались культовые почести (Pind., Pyth., V, 93sq) – подробнее см.: *Leschhorn W.* Op. cit. S. 67f, 98; *Malkin I.* Op. cit. P. 204 ff. Следовательно, Батт идеально вписывается в идеологическую матрицу колонизации как аристократ, избранный божеством для великой миссии, провозглашенной через Дельфийский оракул.

что тема колонизации теснейшим образом переплетается с темой тирании. Эта взаимосвязь уже давно отмечена в литературе¹⁰³, однако обычно все сводится к чистой политике и перечислению случаев, когда тираны либо сами становились ойкистами, либо делали ойкистами своих детей, родственников и друзей, что очень хорошо прослеживается на материале Сицилии, Коринфа и Афин (Hdt., V, 94; Diod., XI, 49, 1 – 2; Ps. Scymn. 435sq; Strab., X, 452; Nic. Dam. Fragm. 57, 7)¹⁰⁴. Эта констатация несомненно верна и полезна для понимания, однако она и сама по себе нуждается в объяснении. При этом очевидно, что невозможно объяснить стремление как тиранов, так и вообще знатных аристократов к основанию колоний, сведя все к их честолюбию и амбициям, как это делал Берве¹⁰⁵.

На мой взгляд, личные качества вождей не дают объяснения феномену, периодически повторяющемуся в столь широких масштабах из века в век. Если вникнуть в культурный контекст, то становится понятным, что честолюбие было лишь частью более широкого мотивационного поля, формировавшегося на основе идейной составляющей. Что же касается самой идейной составляющей, то нетрудно догадаться, что это была, прежде всего, концепция харизмы, ориентирующая греческих аристократов на конкурентивные ценности – воинскую доблесть, славу, почет, власть, богатство. Таким образом, именно желание доказать свою «богоизбранность», реализовать свой харизматический потенциал, подтвердить или повысить статус, разжигало огонь честолюбия и приводило в движение амбиции аристократов, побуждая их искать самореализацию на поле брани, в захвате власти или в основании новых городов. Иными словами, анализируя мотивации ойкистов, тиранов и воителей архаической эпохи, мы имеем дело не столько с индивидуальными особенностями выдающихся личностей тех времен, сколько со специфической системой ценностей, с культурным феноменом, определявшим образ мысли и поведение людей.

В сущности, во всех рассмотренных здесь случаях имеет место одна и та же в принципе мотивация, один и тот же набор смыслов и целеполаганий, который можно подытожить одним словом – харизма. Эта идея и была той внутренней силой, которая приводила в движение важнейшие процессы в греческом мире: перевороты, войны и основание новых городов. Аристократы, ощущавшие в себе потенциал для действий и жаждущие реализовать его, с

---

¹⁰³ Например: *Graham A. J. Colony and Mother City...* P. 30; *Miller T. Op. cit.* S. 214 – 223; *Leschhorn W. Op. cit.* S. 118 – 128.

¹⁰⁴ Например: *Graham A. J. Colony and Mother City...* P. 30, 33ff; *Miller T. Op. cit.* S.214ff; *Leschhorn W. Op. cit.* S. 118f, 120ff; *Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху.* СПб., 2001. С. 206, 210, 242.

¹⁰⁵ *Berve H Fürstliche Herren...* S. 234ff.

целью снискать славу и власть, становились, по ситуации, то воинами, то пиратами, то ойкистами, то тиранами, а зачастую могли совмещать и все эти «профессии», или, по крайней мере, какую либо часть из них. Уже самую силу обстоятельств тому, кто желал стать ойкистом или тираном, зачастую приходилось быть сначала воином и военачальником, как это хорошо видно на примере Мильтиада или Писистрата.

Итак, с разных сторон подходя к вопросу о мотивации ойкистов и тиранов, мы неизбежно обнаруживаем, что, так или иначе, это вопрос о славе и власти. Каждый раз речь идет, по сути, об одном и том же – о модели харизматической власти как таковой. Это и естественно, т.к. верховная власть всякий раз оказывается воплощением выдающейся харизмы, а следовательно, и заветной целью всех лидеров, претендующих на высший статус. Поэтому классический выбор для знатного и амбициозного аристократа состоял в том, чтобы определить стратегию действий – совершать переворот в родном полисе, или становиться основателем нового города. При этом в любом случае харизматическая власть легитимировалась через религию, ведь сама идея харизмы религиозна по своей сути (харизма – милость богов). Также как и Мильтиад, все ойкисты должны были получить благословление божества на свое мероприятие. Поскольку в архаическую эпоху сознание в массе своей оставалось религиозным, трудно переоценить роль дельфийского оракула в истории греческой колонизации, т.к. именно он давал от имени божества институционную санкцию как на власть, так и на основание нового города¹⁰⁶. И, хотя участие пифийского святилища на начальном этапе колонизации остается гипотетичным, религиозная санкция тем не менее имела место всегда – в виде различных оракулов, предсказаний, знамений¹⁰⁷. Именно по этой причине в сказаниях об основателях городов и о тиранах наряду с оракулами возникают архаичные сказочные сюжеты, вроде истории о долонках, а также рассказы о различных знамениях, как например, в истории о рождении Писистрата (Hdt., I, 59), или в легенде о врожденном речевом дефекте Батта, которого

¹⁰⁶ Именно такова была функция оракула во всяком колониационном мероприятии, и потому нелепо выглядят современные попытки объяснить оракул намеренной фальсификацией с целью оправдать экспансию ради захвата земли – см.: *Miller T.* Op. cit. S. 32f, 54. Это явный и совершенно одиозный перенос схем нашего мышления на прошлое...

¹⁰⁷ О роли дельфийского оракула в процессе колонизации см.: *Graham A.J.* Colony and Mother City ... P. 25ff; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 105 – 109; *Parker R.* Greek States and Greek Oracles // CRUX, Essays in Greek History presented to G.E.M. de Ste / P. Cartledge, D. Harvey (Eds.). London, 1985. P. 286 – 326; *Miller T.* Die Op. cit. S. 88 – 95; *Malkin I.* Op. cit. P. 17 – 91; *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 132 – 148, 154слл. etc.

божество сначала избрало, а затем и принудило к миссии основания Кирены (Hdt., IV, 155)¹⁰⁸. Все эти сказания, вкупе с оракулами, также служили легитимации власти ойкистов и тиранов, т.к. они свидетельствовали о божественном благоволении к этим людям, или, иными словами, об их харизме.

Что же касается самой харизматической власти, то надо сказать, что положение ойкиста было заметно лучше, чем положение тирана, т.к. при жизни он – официально или неофициально – обладал полнотой царской власти¹⁰⁹, причем без сомнений в ее легитимности и без оппозиции со стороны знати, которому еще надо было подавить, а кроме того, после смерти он получал культ как герой-основатель¹¹⁰. Это обстоятельство делает более понятной тягу греков к основанию новых городов. Надо думать, они основывали бы колонии даже если бы и не страдали от перенаселения и недостатка земли. Неудивительно также, что именно тираны усердствовали в выведении колоний и при каждом удобном случае стремились сами стать ойкистами или сделать ойкистами своих близких. В результате история греческой колонизации оказалась столь тесно переплетена с историей тирании, что их стало невозможно разделить одну от другой. Благодаря этому колонизация и тирания оказываются, по сути дела, двумя сторонами одной медали, двумя составляющими одного общего культурно- исторического процесса.

Таким образом, Мильтиад Старший прекрасно вписывается в общий контекст архаической эпохи. Он был лишь одним из многих, кто организовывал свое колонизационное предприятие по старинной аристократической схеме, следуя модели харизматической власти. В этом смысле его и в самом деле можно рассматривать как зеркало греческой колонизации, то зеркало, в котором отразились все основные идеи и смыслы колонизационной практики архаического периода. Конечно, сказанное не означает, что всю греческую колонизацию можно свести к харизме отдельных аристократов. Речь здесь идет лишь о том, чтобы показать роль культурного, ментального фактора в

¹⁰⁸Подробнее об этом см.: *Ogden D. Crooked Kings of Ancient Greece*. London, 1997. P. 53 – 61 etc. В свое время Ю. В. Андреев, анализируя мифологизированные рассказы источников о тиранах архаической эпохи, очень точно назвал это явление исторической стилизацией: *Андреев Ю. В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политике старшей тирании* // ВДИ. 1, 1999. С. 3 – 7. См. также: *Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата* // ВДИ. 2001, № 4. С. 10 – 54. Как видно, то же самое можно сказать и по отношению к ойкистам той эпохи.

¹⁰⁹ См.: *Miller T. Op. cit. S. 195ff*; *Leschhorn W. Op. cit. S.92 – 94.*

¹¹⁰ Кстати, именно стремлением иметь посмертный культ, помимо практических соображений, объясняет Диодор решение Герона о перезаселении Катаны и переименовании ее в Этну, что автоматически превращало его в ойкиста вновь основанного им полиса (Diod., XI, 49, 2). Случай весьма показательный сам по себе – чтобы стать ойкистом тиран идет на подлог, как бы «основывая» город второй раз.

этом процессе, особенно на его ранних этапах. Естественно, что со временем все большее значение приобретали мотивы экономического характера, а также усиливалась роль государства в организации колонизационных предприятий¹¹¹, однако следует признать, что все эти факторы изначально составляли лишь необходимые предпосылки, но не причины греческой колонизации. Исходный импульс исходил все же от знатных аристократов, вдохновленных своей системой ценностей, построенной на идее харизмы. Все прочие внешние обстоятельства жизни изначально играли вспомогательную роль, доставляя необходимый материал для колонизационных мероприятий, а также делая их целесообразными и технически осуществимыми. При отсутствии идейного двигателя колонизация могла бы и не состояться, или же состоялась бы, но позднее и совсем в другом виде¹¹². Во всяком случае, исторический опыт Мильтиада Старшего побуждает нас еще раз задуматься о том, какую роль в истории играют идеи и системы ценностей.

Список использованной литературы

Андреев Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политике старшей тирании // ВДИ. 1, 1999. С. 3 – 7.

Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально – экономического и политического развития Греции XI – VIII вв. до н.э. СПб., 2004.

Боузек Я. К истории Аттики XI – VIII вв. до н.э. // ВДИ, 1, 1962.

Вейсмань А.Д. Греческо – русский словарь. СПб., 1899.

Владимирская О.Ю. Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношениях // Мнемон, 1, СПб., 2002. С. 33 – 43.

Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. Москва, 1980.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо – русский словарь. Т.1. Москва, 1958.

Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII – V вв. до н.э. СПб., 2001.

Зельин К.К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962, 4. С. 21 – 29.

Ковалев П.В. Позиция Периандра в споре за Сигей // Исседон. II, Екатеринбург, 2003. С. 55 – 64.

Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э.). СПб., 2001.

Лантева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI – VI вв. до н.э. СПб., 2009.

¹¹¹ В литературе уже отмечалось, что роль государства в колонизационном процессе возрастала постепенно, со временем, изначально же инициатива основания новых городов исходила, как правило, от частных лиц: *Osborne R.* Early Greek Colonization... P. 268; *Graham A. J.* Colony and Mother City... P.30.

¹¹² Можно предположить, что, при отсутствии идейных предпосылок греки решали бы свои проблемы, возникающие из-за роста населения, другими способами – например, путем ограничения численности населения, а также с помощью социальных реформ, войн и революций.

- Курбатов А.А.* Аристократия в архаической Греции. Астрахань, 2006.
- Лурье С.Я.* Клисфен и Писистратиды // ВДИ. 1940, 2. С. 45 – 51.
- Суриков И.Е.* Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе в регионе черноморских проливов // АМА, 16, 2013. С. 24 – 38.
- Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. Москва, 2005.
- Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин // Античный мир и археология. 14, 2010. С. 20 – 48.
- Туманс Х.* Будут ли у нас свои "Анналы"? // Мнемон. 1. СПб., 2002. С. 287 – 307.
- Туманс Х.* Еще несколько замечаний о Фриноне, Сигее и Питтаке // KOINON DO-RON. Studies and Essays in Honour of the 60th Anniversary of Valery Nikonorov from His Friends and Colleagues / Ed. A.A. Sinitsyn, M. M. Kholod. Spb., 2013. С. 427 – 443.
- Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001, № 4. С. 10 – 54.
- Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002.
- Туманс Х.* Сколько патриотизмов было в древней Греции? // Studia historica. XII, М., 2012. С. 3 – 32.
- Фрэзер Д.* Золотая ветвь. Москва, 1986.
- Шубин В.И.* Занкла: к истории основания // Мнемон, 9, СПб., 2010. С. 19 – 26.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII – VIII вв. до н.э. Москва, 1982.
- Adcock F.E.* Athens under tyrants // САН, vol.VI, 1926. P. 59 – 71.
- Andrewes A.* The Tyranny of Pisistratus // САН, III / 3. 2008. P. 392 – 416.
- Barcelo P.* Basileia, Monarchia, Tyrannis. Stuttgart, 1993.
- Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und Miltiades // Sitzungsberichte der Bazerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1939. Heft 1. S. 5 – 67.
- Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // H. Berve. Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1966. S. 232 – 267.
- Berve H.* Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit. Berlin, 1937..
- Bettali M.* I Mercenari nel mondo greco: Dalla orogini alla finne del V sec a. C. Pisa. 1995.
- Blakeway A.* Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily and France in the Eight and Seventh Centuries B.C. // BSA. 33. 1933. P. 170 – 208.
- Boardman J.* Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981.
- Boardman J.* Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981.
- Burnett A. P.* The Archaic Poets. Archilochus, Alcaeus, Sappho. Duckworth, 1983.
- Calhoun G. M.* Classes and Masses in Homer // CPh. 1934. 29. P. 192 – 208.
- Cobet I.* König, Anführer, Herr, Monarch, Tyrann // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in der Sprachen der Welt / Hrsg. E. Welskopf. Bd. 3. Berlin, 1981. S. 11 – 66.
- Cook J.M.* The Troad. Oxford, 1973.

D'Agostino B. The First Greeks in Italy // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and their Settlements Overseas / Ed. G. Tsatskhaladze. Mnemosyne. Suppl. 193. Vol.1. Brill. 2006. P. 201 – 238.

Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford, 1971.

Dominguez A. J. Greeks in Sicily // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and their Settlements Overseas / Ed. G. Tsatskhaladze. Mnemosyne. Suppl. 193. Vol.1. Brill. 2006. P. 253 – 357.

Dougherty C. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. Oxford, 1993.

Dunbabin T.J. The Western Greeks. The History of Sicily and South Italy from Foundation of Greek Colonies to 480 B.C. Oxford, 1948.

Figuera T. J. Aigina: Society and Politics. New York, 1981.

Figuera T. J. Athens and Aigina in the Age of Imperial Colonization. Baltimore, 1991.

Frost F. The Athenian Military before Cleisthenes // *Historia*. 33. 1984. P. 283 – 294.

Frost F. The Athenian Military Before Cleisthenes // *Historia*. 33. 1984. P. 283 – 294.

Graham A. J. Collected Papers on Greek Colonization // Mnemosyne. Suppl. 214 Brill, 2001.

Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983.

Graham A.J. The Colonial Expansion of Greece // *CAH*. 3. Part 3. Cambridge, 1982. P. 83 – 162.

Greco E. Greek Colonization in Southern Italy: A Methodological Essay // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and their Settlements Overseas / Ed. G. Tsatskhaladze. Mnemosyne. Suppl. 193. Vol.1. Brill. 2006. P. 169 – 200.

Gwynn A. The Character of Greek Colonisation // *JHS*, 38, 1918. P. 88 – 123.

Haas Ch. J. Athenian Naval Power before Themistocles // *Historia*, 34, 1. 1985. P. 29 – 46.

Hammond N.G.L. The Philaids and the Chersonese // *CIQ*, VI, 1956. P. 113 – 129.

Hopper R.J. „Plain”, „Shore” and „Hills” in early Athens // *ABSA*, 56, 1961. P. 189 – 219.

How W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol.2. Oxford, 1961.

Isaak B. The Greek Settlement in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.

Kaplan P. The Social Status of the Mercenary in Archaic Greece // Gorman and E. W. Robinson (eds.), *Oikistes: Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World. Offered in Honor of A. J. Graham*. Leiden, Boston, and Cologne. 2002. P. 229 – 244.

Kinzl K. Betrachtungen zu älteren Tyrannis // *Die ältere Tyrannis bis zu den Perserkriegen* / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1979. S.298 – 325.

Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. 1. Berlin, 1939.

Leschhorn W. Gründer der Stadt. Studien zu einem politisch – religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984.

Luraghi N. Traders, Pirates, Warriors: The Proto-History of Greek Mercenary Soldiers in the Eastern Mediterranean // *Phoenix*, 60, 1 / 2. 2006. P. 21 – 47.

Malkin I. Religion and Colonization in ancient Greece. Brill, 1987.

- Mann Ch.* Athlet und Polis im archaischen und frühklassischen Griechenland. Göttingen, 2001.
- McGregor M.F.* Phormion and Peisistratos // Phoenix. 1974. 28. No. 1. P. 18-21.
- McK Camp II J. A.* Drought in the Late Eight Century BC // Hesperia. 48. 1979. P. 397 – 411.
- Mersch A.* Studien zur Siedlungsgeschichte Attikas von 950 bis 400 v. Chr. Frankfurt / Main, 1996.
- Miller T.* Die griechische Kolonisation in Spiegel literarischen Zeugnisse. Tübingen, 1997.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City – State. Cambridge, 1987.
- Murray O.* Der frühe Griechenland. München, 1985.
- Ogden D.* Crooked Kings of Ancient Greece. London, 1997.
- Ormerod H. M.* Piracy in the Ancient World. London, 1997.
- Osborne R.* Early Greek Colonization. The Nature of Greek Settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and Evidence / Ed. N. Fisher, H. Van Wees. Duckworth, 1998. P. 251 – 269.
- Parker R.* Greek States and Greek Oracles // CRUX, Essays in Greek History presented to G.E.M. de Ste / P. Cartledge, D. Harvey (Eds.). London, 1985. P. 286 – 326.
- Podlecki A.* The Early Greek Poets and their Times. Vancouver, 1984.
- Ruschenbusch E.* Übervölkerung in archaischer Zeit // Historia. 40. 1991. S. 375 – 378.
- Sartori F.* Antichi insediamenti greci nell' occidente mediterraneo // Atti dell' Istituto Veneto di Scienze. Lettere et Arti. CXLVIII, 1989 – 90. P. 163 – 182.
- Schaefer H.* Eigenart und Wesenzüge der griechischen Kolonisation // Probleme der alten Geschichte. Göttingen, 1963. S. 362 – 383.
- Scheidel W.* The Greek Demographic Expansion. Models and Comparisons // JHS, 123, 2003. P. 120 – 140.
- Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Brill, 2005.
- Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980.
- Souza de Ph.* Piracy in the Graeco – Roman World. Cambridge, 1998.
- Spahn M.* Mittelschicht und Polisbildung. Frankfurt/ Main. 1977.
- Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987.
- Starr Ch.* The Decline of Early Greek Kings // Historia, 10, 1961. P. 129 – 138.
- Stein – Hölkeskamp.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989.
- Stillwell A. N.* The Potters Quarter // Corinth. The Results of Excavations. Vol. 15. Pt. 1. Cambridge, 1948.
- Strassburger H.* Die Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // HZ. 1954. 177. S. 227 – 248.
- Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart, 1957.
- Tiverios M.* Greek Colonisation of the Northern Aegean // An Account of Greek Colonies and Settlements Overseas / Ed. G. Tsetskhladze. Bd. 2. Brill, 2008. P. 1 – 154.
- Tsetskhladze G.* Revising Ancient Greek Colonization // Greek Colonization. An Ac-

count of Greek Colonies and their Settlements Overseas / Ed. G. Tsetskhaladze. Mnemosyne. Suppl. 193. 1. Brill, 2006. P. XXIII – XXXIII.

Ulf Ch. Die homerische Gesellschaft. Materialien zur analytischen Beschreibung und historischen Lokalisierung. München, 1990.

Welwei K. – W. Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992.

